

Кристина Выборнова

Тайна Планетищи

Глава 1

— Ящерка-а...

— У-у-у.

— Ящереночек...

— М-м-м.

— Ящерунчик...

— Ну чего, мам?!

— Вставай, доченька, пора. Эльза, дочурка, ты тоже просыпайся!..

Ящерка с трудом разлепила раскосые зеленые глаза («Как у кошки!» — часто умилялась мама, но сама Ящерка кошек никогда в эти самые глаза не видела) и оторвала от подушки коротко стриженную светлую голову, которая все той же маме напоминала одуванчик. В доме, как всегда, было довольно-таки промозгло, да еще и одеяло местами стало прохладным — видимо, греющие элементы окончательно испортились.

Недовольная всем этим, да еще и разбуженная Ящерка исподлобья посмотрела в круглое маленькое окно, из которого, несмотря на двойную раму, тоже вечно дуло, и увидела все то же размокшее от дождей, пестрящее синей,

фиолетовой и темно-зеленой листвой посадок бесконечное поле под такими же бесконечными сизыми тучами с неприятным желтым отсветом — остатками заката. Начинаясь вечерний день, который из всех суток Планетищи Ящерка не любила больше всего. Она прекрасно знала, что уже через два часа наступят сумерки, которые перейдут в крошечную темноту — даже Луница не пробьется сквозь такие тучи... Клубничные деревья рядом с домом пронзительно скрипели, качаясь на ветру, с них срывались и с чавканьем шлепались на землю перезревшие ягоды.

Девочка мрачно перевела взгляд на зеленое волокнистое бревно стены своего собственного дома, материалом для которого послужили стволы все той же клубники, и поковыряла его ногтем.

— Лацерта, не порть стены! — тут же занудила из противоположного угла комнаты старшая сестра Эльза противным взрослым голосом. — Вот прилетят за нами, всех возьмут, а тебя нет, потому что от тебя один вред...

— Я чего, младенец в чепуху верить? — презрительно отозвалась Ящерка. — Ничего никто не прилетит.

— Ну почему же не прилетит, доченька, — как всегда попыталась сгладить ситуацию мама, — когда-нибудь обязательно...

— А чего она ко мне пристаёт?! Ну и что, что

она старшая? Ей вообще только пятнадцать, а мне уже одиннадцать!

— Это тебе только одиннадцать, а мне уже пятнадцать!

Мама грустно вздохнула и поставила на большой стол надоевшие тюльпановый салат и клубничную кашу.

— Не буду есть! — с ходу заканючила Ящерка. — Чего каждый день клубника и клубника!

— Ну, доченька...

— Не хочу!

— Так, это кто это тут у нас воюет?!? — слышался оглушительно громкий голос, от которого даже мигнули лампочки, хотя энергию им, вообще-то, давал ветряк. Хлопнула дверь, и в дом бодрым шагом вошел широкоплечий стриженный человек ростом под два метра, в рабочем костюме из синего жесткого непромокаемого и обогреваемого материала.

— Да вот, Димочка, Ящерка капризничает, — тихо сообщила мама. — Ящерка, успокойся, не огорчай папу...

— С чего это она меня огорчит?! — грянул папа еще оглушительней, с ускорением свободного падения плюхаясь на скамью перед столом. — Я сам ее сейчас огорчу!! Кто у нас воюет, тот к бабушке, значит, сегодня не хочет ехать!!!

— Ой! — пискнула Ящерка, подскакивая на кровати, словно подброшенная неисправным антигравитатором. — Ой, пап, я и забыла, что мы сегодня едем! Все! Я встаю! Мам, давай кашу, Эльза, извини!

Папа зычно расхохотался и довольно хлопнул себя по коленям, мама прошептала «Димочка, не так громко, а то соседей разбудим», Эльза пожала плечами и принялась разбирать свои тонкие бесцветные волосы.

Причесываясь пятерней, натягивая рубашку и комбинезон с подогревом, Ящерка вспоминала вчерашний разговор родителей, о котором она сегодня спросонья позабыла.

...Вчера папа, придя с работы, сообщил, что все строители и он, как их бригадир, решили, наконец, сделать себе и остальным жителям поселка нормальные дома вместо продуваемых клубничных избушек. Мама, естественно, захохла, что если папа и дальше будет везде вылезать со своей инициативой, то дождется, что его изберут в правительство — и так в прошлом году депутатом не сделали чудом! Эта кошмарная перспектива, как, впрочем, и все другие, папу не испугала, и мама, вдоволь попричитав, наконец спросила, как девочки будут жить в папином переносном строительном домике, где удобств еще меньше, чем в клубничной избе, а места вообще нет. Папа отозвался на это как

всегда жизнерадостно и оглушительно:

— А девчонкам и нечего с нами болтаться!! Их можно к матери моей отправить на Особнячий остров! Заодно икупаются, и на солнце погреваются, а то у нас тут, в сельхоззоне, хмарь одна!

— На Особнячий? Да ты что? — сделала большие глаза мама. — Там же ЗАПОВЕДНИК!

— Да ладно, Маш, там пятьсот человек живет, и пока не помер никто! По крайней мере, от Заповедника.

— Ну а как они туда доедут? Тут же такие расстояния, Особнячий — это же экватор...

— Вот завтра со мной и доедут! Довезу их до космодрома на машине, а дальше посажу на автоматическую дорогу над Океанищем!

— А если в этой дороге что-то сломается?!

— Чего там сломается, она на двести лет рассчитана без ремонта! Скорее эта избень нам на бошку рухнет!!

— Димочка, ну что ты такое говоришь, постучи по клубничке...

...Не соглашаться с кем-либо мама не умела в принципе, поэтому папе удалось уговорить ее почти без усилий. Волнуясь, вздыхая и причитая, она, тем не менее, собрала дочерям вещи и велела им пораньше лечь спать перед дорогой. «Ну вот, — думала, укладываясь, радостная Ящерка. — Теперь

хоть понятно, зачем нужны каникулы!» — раньше эти перерывы в учебе казались ей совершенно бессмысленными. Чем сидеть дома или бродить по грязи под благодатным для урожая мелким унылым дождиком, она предпочитала зайти в школьный домик и послушать, как пришедшие туда же инженеры, строители, врачи и другие специалисты поселка, слегка запинаясь и мямля, рассказывают то, что сами знают. Помимо этого они показывали интересные опыты и давали разнообразные задачки.

Правда, некоторые старички, еще помнившие Землю, утверждали, что «это у вас не настоящая школа, а баловство одно, в наше время не так было». «Вот прилетят за нами с Земли, тогда вам организуют нормальное обучение», — добавляли они со злорадно-мечтательными улыбками. Поэтому прилета землян, на который так надеялись взрослые, и, в частности, мама, сама Ящерка уже ждала с некоторым ужасом.

...Машина у папы, конечно, была только грузовая, да и то не лично его, а позаимствованная со стройки, поэтому переднее стекло у нее пошло трещинами, открывающаяся крыша, открывшись когда-то в свое время, теперь отказывалась закрываться, и брызги грязи с шести громадных вездеходных колес на ходу залетали в салон. Той же грязью были обильно заляпаны солнечные батареи, как крылья растопырившиеся вверху и по

бокам машины.

— Фу, пап, она на свету ездит или на грязи? — брезгливо поинтересовалась Эльза, стоя на пороге избы и прижимая к белой кофте свой чистенький чемодан.

— На аккумуляторах — вчера зарядили!! — захохотал папа и собрался посадить в кабину Ящерку, поскольку дверь тоже не открывалась, но она уже сама забросила внутрь свою сумку, подтянулась на руках и забралась на жесткое облупленное сиденье. — О, молодец! Сама залезла! Как эта — как они там назывались, Маш, — обезьяна, что ли?

Он полуобернулся к маме, которая не прореагировала, потому что в это время торопливо и взволнованно наставляла скучно кивающую Эльзу:

— Доченька, смотри там за Лацертой, она же у нас такая шустренькая, а ты старшенькая... Всюду вместе ходите, пусть вовремя спать ложится, одна не купается... Ящерка, слушайся Эльзу, ты у нас такая шустренькая, а она...

— Такая страшенькая, — dokonчила Ящерка, хихикая.

— Доченька, нехорошо так говорить, а ты, Эльза, не обижайся на сестренку, она не со зла... Как к дороге над океаном подъедете, позвоните, как доедете позвоните, и вообще каждый день

звоните...

— Маш, мы, в общем, поехали, — прервал ее излияния папа. Мама закивала:

— Да-да, езжайте, езжайте, пока светло, Димочка, веди машину осторожно, девочки, целую.

Эльзу с трудом втянули в кабину, Ящерка помахала маме рукой и напоследок оглядела округу — ведь они с сестрой уезжали на целых три месяца, сколько по традиции длились летние каникулы, хотя когда на Планетище лето, а когда зима, было непонятно. В сельхоззоне всегда держалась температура около 20 градусов, только в вечерние и ночные дни опускаясь градусов до 14, то и дело шли дожди. Сейчас снова слегка моросило, а Звездища успела окончательно зайти, и поле с рядами ветряков и горящих окошками клубничных избушек терялось в густой мгле. Ясное дело, никто из Ящеркиных одноклассников в это время не гулял...

— Ну что, девчонки, вперед?! — гаркнул папа и потянул на себя стартовую ручку: машина, чавкая колесами по грязи, бесшумно тронулась.

Эльза в отсутствие мамы младшей сестрой не интересовалась, поэтому Ящерка беспрепятственно лазала по двум рядам сидений, безуспешно приставала к папе с просьбой дать ей порулить и, наконец, узнав от него, что ехать еще целых 10 часов, задремала на своей сумке.

Проснулась она, конечно же, от папиного возгласа:

— Не ной, Эльзуха, еще чуть осталось!!

— Уже приехали? — сонно пробормотала Ящерка, разлепляя глаза под бурчания сестры, перечисляющей, что у нее затекло. — Ух ты!.. Эльз, смотри!

Пейзаж за время ее сна кардинально изменился. Был то ли вечер вечернего дня, то ли утро ночного, так что Звездища на небе не показывалась. Зато само небо, впервые за всю Ящеркину жизнь, стало совершенно безоблачным, открывая поразительное количество крупных блестящих звезд и зелено-черную туманность «конская голова», а довольно низко над горизонтом висела громадная белая Лунища, практически полная, с четкими темными кратерами и морями. От правого к левому краю Лунищиного диска медленно плыл ее маленький голубоватый спутник — Лунка. Все это давало столько света, что не представляло труда разглядеть окрестности — дорогу, проходящую среди сухой курчавой травы и уходящую к горизонту, где виднелись какие-то неясные завитушки — то ли горы, то ли строения. Стало гораздо теплее, ветра не было; над дорогой перед машиной, блестя в желтом свете фар, проносились громадные шестикрылые ночные стрекозы, в низеньких лохматых деревьях у дороги

что-то пронзительно поскрипывало и шипело — видимо, тоже насекомые, а кто же еще...

— Пап, Эльз, смотрите! — заорала Ящерка, вскакивая ногами на сиденье. — Смотрите, Луница вся видна! И туманность! А я ее на картинках видела только! А почему туч нету? Ой, как кто-то скрипит!

— Лацерта, что ты кричишь? Ты что, маленькая, что ли? — недовольно сказала Эльза. — Ну и что, что Луница и трещит — что теперь, нужно мешать папе вести машину? Сядь как следует, горе мое.

— Давай, давай, воспитывай ее, Эльзуха, — крикнул папа, с усилием поворачивая руль. — Смотрите, уже космодром видать!!

— Где? — заинтересовались девочки.

— Вон там, поле.

— А где ракеты? — удивилась Ящерка. Папа хохотнул.

— Будут! Когда прилетят.

— А что же там за завитушки? — продолжала приставать Ящерка.

— Это автоматическая дорога. А такая мутная стена за ней — Океанище. Сейчас как раз будет прилив!

Глава 2

Космодром весь порос теми же курчавыми растениями, включая ракетные ангары и приставные трапы на колесиках. Его окружали мощные деревья с прямыми стволами, похожие на клубничные, но с круглыми черными ягодами.

— Это что? — затеребила папу Ящерка.

— Чего? А, это... Черника. Ну давайте, звякайте матери из машинного передатчика и побежали к дороге.

— Да где дорога-то? — снова не вытерпела Ящерка, которая все это время оглядывалась.

— Вот и увидишь, где...

Разговор с мамой по хрипящему машинному передатчику с прерывающейся связью показался Ящерке бесконечно нудным и бессодержательным: еле дождавшись, пока наговорившаяся старшая сестра нажмет кнопку отбоя и одним прыжком выскочив из машины, она приземлилась на пружинящую траву.

Папа хмыкнул, с усилием сложил солнечные батареи и, приглашающе махнув девочкам рукой, зашагал вперед.

Роща черничных деревьев оказалась небольшой в глубину — едва начавшись, она резко закончилась, и тут только обнаружилось, что космодром находился на горном плато. Это плато

оканчивалось обрывом, за которым вставала мрачная сине-фиолетовая стена Океанища с широкой белой дорожкой от Лунищи. Но здесь же начиналась и другая дорога: она гладкой блестящей лентой отходила от края обрыва и сильно, видимо, для красоты, извиваясь, уходила над Океанищем к плохо видимому в темноте горизонту. Волны неслышно бились о подпирающие дорогу высоченные толстые столбы, торчащие из воды через равное расстояние друг от друга. Дорога делилась на два ряда и по краям имела что-то вроде перил, на которых горели тусклые синие огоньки. А по самому дорожному полотну двигались вереницы ярких фар: белых и желтых. Вытаращив от восхищения глаза, Ящерка заодно разглядела самих фарообладателей — обтекаемые машинки с прозрачными колпаками вместо крыш. Некоторые из них были маленькими — то ли одноместными, то ли двуместными, зато другие напоминали целые вагоны, к тому же еще плотно чем-то нагруженные.

Водителей не было видно даже в ближайших машинках — правильно папа сказал: автоматическая же дорога, однако на краю обрыва толпились люди в рабочих костюмах. Время от времени та или иная грузовая машина съезжала с дороги и останавливалась, позволяя им себя разгрузить, после чего, медленно набирая скорость, разворачивалась и ехала в обратную сторону.

Маленькие машинки тоже разворачивались, но не останавливаясь.

— Лацерта, если ты еще раз скажешь «ого» или «ух ты», схлопочешь! — вдруг прорвался в Ящеркино сознание голос старшей сестры. — Можно подумать, у тебя заело!

— Ну ладно, не буду, — покладисто согласилась Ящерка. — Пап, а мы в грузовик сядем или в маленькую?

— В средненькую! Давайте-ка к остановке! — провозгласил папа и, мощно подталкивая дочерей в спины, двинулся к дороге.

Вблизи от нее шума было не больше, чем вдали — машины работали на аккумуляторах, зато можно было в подробностях разглядеть рабочих, с пыхтеньем разгружающих очередной грузовик. На некотором отдалении от них с умудренно-терпеливым видом стояла небольшого роста, тощая и седая, но не скрюченная старушка с сумкой на плече и выглядывала что-то вдали.

— Вы на Особнячий? — обратился к ней папа. — Трехместную, небось, ждете? Вот вам еще две попутчицы!

— А, на отдых, что ли, девочки? — доброжелательно встрепенулась бабуля. — Конечно, конечно, со мной пусть поедут, и мне и им повеселее будет... Вы идите, молодой человек, не волнуйтесь — я там всех знаю, на Особнячьем.

Где машинка-то? А вон машинка!
Бегом-бегом-бегом!..

И правда: с дороги в это время тихо сошла круглая синяя и блестящая машинка и, гостеприимно приоткрыв купол, объявила примерно следующее:

— П-п-п-сЖИРСКОЕ ткси,
Космодром-дром-дром — БНЯЧИЙ!
Прш-ВЕРШИТЬ ПОСАДКУ!

— Ой, мамочки! — вздрогнула слабонервная Эльза.

— Заикается! — обрадовалась Ящерка.

— Да говорил я ребятам из обслуживания, что надо сменить диски с объявлениями, а то уже все осыпались — руки не доходят, — досадливо сказал папа, забрасывая под колпак их багаж. — Ну все, девчонки, ни пуха ни пера!! Звоните в обязательном порядке!

— К черту! Пока, пап! — отозвалась Ящерка, залезая на мягкое, синее, как и машинка, сиденье из какого-то блестящего материала, на котором, впрочем, красовалось приличное количество весьма неподходящих по цвету и фактуре заплаток. Эльза аккуратно уселась напротив сестры, а последней, несмотря на свои «бегом-бегом» подоспела старушка. Она со всего размаху плюхнулась рядом с Ящеркой, придавив свою сумку, в которой что-то зверски зазвенело и забрякало. В ту же секунду

машинка рывком захлопнула колпак, чуть не отдавив папе пальцы, и, сделав плавный разворот, влилась в ряд желтых огней, текущих над Океанищем.

— Бабушка, у вас в сумке ничего бьющегося нет? — вежливо спросила Эльза, нарушив молчание.

— А? Да нет, девочки, ничего нет — у меня там сервиз, сын подарил, домой вот везу.

— Понятно... Значит, вы на Особнячком давно живете? И часто сюда ездите?

— Ой, часто, не говори.

— Ну вот, а нас мама боялась на автоматическую дорогу отпускать! — вклинилась в разговор Ящерка.

— Боялась? Да чего бояться? Когда тут что случилось?.. Ну да, как раз в прошлом месяце, говорят. Я сама не видела, но знакомая моя рассказывала — такси вот как раз такое вдруг как с ума свихнулось, развернулось, да как через перила перевернулось в воду!

— Ой! Никто не пострадал? — испугалась Эльза.

— Да кому страдать — пошли ко дну, да и все дела.

Эльза умолкла и подтянула к груди колени, обняв их дрожащими руками. Не столь впечатлительная Ящерка продолжала тем временем

смотреть сквозь стеклянный колпак вниз и вперед, где смутно виднелись высоченные столбы-опоры дороги и разбивающиеся о них тяжелые волны.

— Ух ты, вода как будто вверх идет! — поделилась она наблюдением.

— Правильно, вверх, — согласилась старушка. — Так ведь прилив же, что ж вы хотите. Вон она какая, Луница-то наша, Океанище к себе притягивает.

— А досюда вода не дойдет?

— Да не бойся, где ей дойти. Так дорогу построили, чтоб не доходила. Да... Я сама не застала, но знакомая сестры моей говорила, что в прошлом году такой сильный прилив был, и волнение, что несколько машин начисто смыло! Как только столбы не снесло!

— Столбы вроде крепкие, — тихо заметила Эльза.

— Конечно, крепкие. Их и потрескалось-то всего ничего. Один только что-то осыпается, сейчас его не видать нам...

Последовала минута ватного молчания, которое нарушила та же старушка.

— Ну а теперь давайте познакомимся. Меня вот зовут Вера Николаевна.

— Это Эльза, моя сестра, а я Ящерка.

— Ох, какие имена интересные! Прямо Ящерицей и назвали тебя?

— Да не, меня назвали Лацертой, это по-латыни ящерица значит, — важно объяснила Ящерка. — Это меня мама назвала, она животных любит.

— Животных? Так чего ж она с вами-то не поехала? У нас же как раз Заповедник!

— Она земных животных любит, которые в книжках нарисованы, — уточнила Ящерка, а Эльза напряженно сказала:

— Так животные Планетищи ведь не выходят из Заповедников!

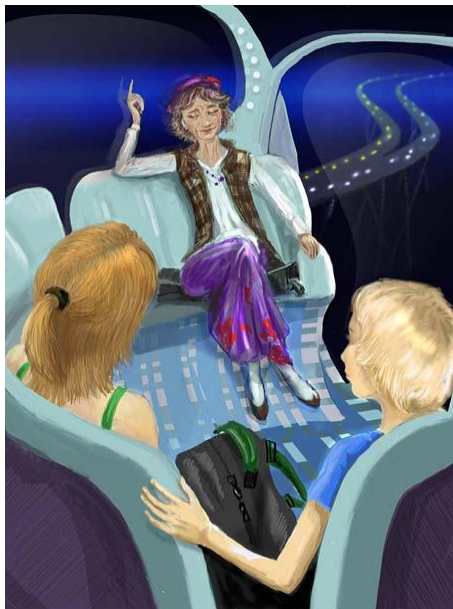
— У, милая, где они не выходят! Только в мечтах наших! Полным их полно! Ну, я-то сама не видела, но люди говорят, что и Лерсы даже по ночам ходят. А кого я видела, так это птицу эту... Ничего такая: прилетит, сядет на забор и давай улыбаться. И улыбка приятная такая. Клюв, а под ним еще улыбка. Два рта у ней. А мордочка гладкая, плоская, коричневая, а глаза такие желтые, ночью светятся... Что, девчонки, спите совсем? — оборвала она увлекательное описание, потому что Эльза зажмурилась. — Укачало что ль? А и бывает: внучка вот моего, Колю, пока маленький был, как укачивало...

— А что с ним потом случилось? — живо спросила Ящерка, уже поняв, к чему ведут все истории Веры Николаевны. Старушка задумалась.

— Что с ним случится-то? У меня живет

каждое лето, бегают с друзьями где попало... Хороший мальчик. Тебя чуть постарше. Вот через восемь часов, если все нормально будет, доедем, поглядишь на него. Может, и познакомитесь.

— Если все нормально будет... — повторила Эльза, с ужасом глядя вниз, на опоры, которые уже на три четверти залила поднимающаяся вода. Волны Океанища при ближайшем рассмотрении оказались гладкими, без пены, но зато на редкость громадными...

На секунду Ящерке показалось, что в тяжелой, как будто густой фиолетовой воде мелькнуло что-то живое и блестящее, и ей стало досадно, что она не может обратить на это внимание сестры или старушки — одна испугается, а другая опять сообщит что-нибудь жуткое. «А вдруг это какое-то животное?» — подумала Ящерка, и ей самой такое предположение вовсе не показалось страшным. Спать особенно не хотелось, но и делать было совершенно нечего, кроме как разглядывать задние фары идущих впереди пустых машинок, глядеть на Океанище, в котором по-прежнему отражалась Лунища, и гадать, где будет конец у дороги. Вера Николаевна дремала с довольной улыбкой, притулившись на своем сервизе, Эльза, поджав губы, видимо для пущей взрослости, читала взятую из дому газету...

Лунища величественно закатилась за горизонт, но вокруг темнее не стало: Ящерка даже четче различала воду, которая колыхалась уже лишь метра на два ниже дороги. Туманность тоже поблекла, небо вверху посерело, а у самого горизонта вдруг стало ярко-желтым.

— Ой, — сказала Ящерка шепотом. — Ура! Уже утренний день!

— Да уж, — услышала ее Эльза. — Ты, я надеюсь, взяла из дома кепку? Ты знаешь, какое у

Звездищи при чистом небе сильное излучение?..

— Совершенно верно, — вдруг проснулась Вера Николаевна. — Это же белая звезда класса свечения «DF». Она примерно в четыре раза больше земного Солнца, так что хорошо еще, что мы от нее относительно далеко находимся, а то радиация была бы нешуточная... Чего, девчушки, глазами-то хлопаете? Я же одно время работала на космодроме, пока его не закрыли, конечно... И вообще, даже на Земле, когда вот такой как ты, Лацерточка, была, астрономией увлекалась.

— Значит, вы Землю хорошо помните? — спросила с испугом Ящерка, наслушавшаяся еще у себя в поселке занудливо-ностальгических историй с поучительными концами. Старушка, видимо, приняла ее испуг за интерес.

— Да не очень хорошо помню — мала была, бегала, играла, а где играю — мне и дела не было, — вздохнула она. — Вы вот к кому едете?

— К бабушке.

— А как ее звать?

— Светлана Григорьевна...

— А, знаю, знаю... Вот и спросите про Землю у Светы, то есть Светланы Григорьевны, она меня постарше года на четыре, она уж вам расскажет...

Старушка умолкла и снова притулилась на своем сервизе. Ящерка же, прилипнув носом к прозрачному колпаку машинки, наблюдала, как

из-за Океанища медленно выплывает белый диск Звездищи, а безоблачное небо так же медленно синееет. Океанская вода при дневном свете и вправду оказалась густо-фиолетовой со слабыми голубыми проблесками. Со всех сторон не было видно абсолютно никакого берега, но автоматическая дорога уверенно тянулась в сторону Звездищиного восхода.

Тут Ящерка обнаружила, что снова начинает задремывать, и свернулась калачиком на скользком сиденье.

Проснувшись она от шума разговоров и холода — видимо, машинка включила кондиционер.

— ...Вот и приехали, — поймала она конец фразы старушки и, резко вскочив, бросила взгляд вперед.

Звездища особенно не поднялась над горизонтом — у нее впереди для этого еще была часть утреннего и весь дневной день, однако небо стало совсем синим и осталось при этом безоблачным, океанская вода спала, обнажив столбы, которые, оказывается, были сделаны из какого-то блестящего желтого металла, а главное, теперь было видно, куда вела дорога!

Впереди, чуть закрывая Звездищин свет, возвышалась скалистая гряда преимущественно из пятнистого камня бежевато-голубого цвета. Впрочем, на вершинах видны были синие, красные

и зеленые пятна растительности, а среди нее стояли светлые строения такой сложной архитектуры, какую Ящерка видела только на земных фотографиях. Обилие завитушек, шпилей и колонн делало некоторые из них похожими на что-то вроде плохо собранного конструктора. Одно особенно странное в архитектурном плане здание, к тому же, видимо, и самое высокое и широкое из всех, высилось практически на краю гряды, нависая над фиолетовой гладью Океанища. У здания было все, что нужно и не нужно: большой блестящий купол, бесконечная колоннада, пять разновидностей башенок, спиральные лестницы вокруг некоторых из них, флюгера, антенны, флажки и солнечные батареи на крыше.

Именно к этой удивительной гряде, красиво и ровно изгибаясь, направлялась дорога. Она втыкалась в скалу как раз почти напротив того самого большого здания.

— Ух ты!!! — выразила свои чувства Ящерка, и голос ее гулко срезонировал под колпаком. — Это Особнячий?!

— А ты как думаешь? — усмехнулась Эльза. — Есть у тебя логика? Ты что, уже забыла, куда тебя везли? Давай собирайся, и причешишь, а то нас бабушка будет встречать, а тут такой позор.

Ящерка неохотно запустили пятерню в волосы, не отрывая глаз от пейзажа. Это позволило

ей обнаружить, что Особнячий, видимо, вовсе не остров, а полуостров — слева скалистая гряда, постепенно понижаясь, переходила в лесистую местность, там же виднелись высокие, но пологие и мохнатые от растительности горы. «Заповедник»... — дошло до Ящерки.

Машинка тем временем замедляла ход по мере того, как росла земля впереди и, наконец, остановилась.

Ящерка, Эльза и Вера Николаевна вместе с вещами выбрались на ровную мощеную камнем площадку, окруженную низкими синими кустами, похожими на спутанные клубки шерсти. Кроме них на площадке стояло еще несколько человек. Парочка из них, с вещами, тут же полезла в освободившееся такси. К Вере Николаевне галопом подбежал тощий, длинноногий и зверски загорелый пацан с торчащим вперед острым длинным носом, черными глазищами и спутанными как войлок пыльными темными волосами, отросшими чуть ли не до мочек ушей.

— Ну че, пошли, баушк? — сказал он резким, каким-то клаксонистым голосом.

— Сейчас, Коленька, — ласково обратилась к своему внуку Вера Николаевна. — Возьми сумку-то... Вот, кстати, познакомься: это девочки со мной ехали, будут тут отдыхать, Эльза и Ящерка.

Коленька зевнул, посмотрел на Ящерку как на

пустое место, Эльзу вообще не удостоил взглядом и буркнул:

— Ну и че? Они же не к тебе приехали. Пошли давай.

Не успели девочки оглянуться, как укоризненно охающая старушка была утащена от них куда-то торопящимся внуком. Впрочем, над Ящериным ухом как раз в это время раздался низкий скрипучий голос:

— Я не пойму, это вы мои внучки, что ли? Ни фига себе, какие дылды стали!

Ящерка поспешно обернулась, чтобы поздороваться с бабушкой, и тут же поняла, что могла бы перед встречей с ней и не причесываться.

На них смотрела поджарая и загорелая старушка в ярких полосатых шортах и майке с громадной надписью «Леня Чубуков». В ухе у нее красовалось три серьги, на предплечье виднелась затейливая татуировка, а волосы были выстрижены клоками и покрашены частично в желтый, частично в ярко-красный цвет. Несмотря на это было видно, что старушке никак не меньше семидесяти пяти лет.

— Здравсьте, баба Света, — обалдело выдохнула Ящерка.

— А, Ящерица, привет, — кивнула бабка. — Че-то вы какие-то зеленые, как зомби, и прикинуты скучно. Предки, небось, достали? Ну ничего, вы у

меня по-быстрому развернетесь.

— А где мы будем жить? — поспешно поинтересовалась Эльза.

— Да в этой самой здоровенной хате на краю обрыва — в Главном Особняке.

— Да-а?! — обрадовалась Эльза.

— Ну, ты губу-то не раскатывай, — охладила ее баба Света. — Наши там две комнаты на третьем этаже. Одну вам выделю, так и быть, только если постеры тронете — голову оторву!

Глава 3

Ящерка посмотрела на старшую сестру и захихикала. Эльза нахмурилась, хмыкнула, поспешно подхватила свой чемодан и деловито пошла следом за бабушкой, которая уже двинулась куда-то покачивающейся походкой лихого моряка.

К Главному Особняку вела аллея, вымощенная прозрачными розовыми камнями и обсаженная густыми кустами арбузов — Ящерка даже успела на ходу сорвать и съесть несколько полосатых черно-зеленых ягод.

Баба Света оказалась не из молчаливых. Первым делом, когда девочки нагнали ее, она строго поинтересовалась:

— Вы Ленью Чубукова любите? Только учтите, что если нет, нам разговаривать не о чем!

— Любим, а кто это такой? — с готовностью поинтересовалась Ящерка. Бабушка приостановилась.

— Не знаете? Да вы че?! Леня Чубуков, это же самый крутейший певец на Земле!

— Так мы не знаем земных певцов, — заметила Ящерка.

— Даже родители не рассказали? Стыдоба! А Димка-то, сынуля, хорош — молчит в тряпочку!

— Так расскажите нам про Леню Чубукова, это очень интересно, — подхалимски протянула Эльза.

Бабушка на мгновение закатила густо накрашенные глаза.

— Леня Чубуков — это легенда земного рока и металла! Я до пятнадцати лет, пока на Земле жила, ездила за ним по городам и была на каждом его концерте! Клее-ово было! Так оттягивались с девчонками, что ваще! Сейчас-то вам этого не понять: ходят все такие прилизанные, тошно смотреть! Нет, в наше время все по-другому было! Как щас помню: выходит Леня на сцену, такой клевый, вау! Берет гитару и р-р-раз ее об сцену! — бабушка перевела дух, дав время Ящерке спросить:

— А зачем?

Баба Света уставилась на нее.

— Ты чего, не понимаешь? Это же адреналин выплескивается!

— Это такой гормон, который вырабатывают надпочечники? — вспомнила Ящерка уроки их поселкового врача.

— Да какой гормон? Понятия не имею. Учат вас всякой чепухе. Я в твои годы вообще в школу не заглядывала — вот предки бесились! — с удовольствием вспомнила бабушка. Эльза выразительным взглядом приказала Ящерке молчать и попыталась перевести разговор на другую тему:

— Какая красивая дорога! И Особняк, в который мы идем, тоже симпатичный...

— Да ну, галимая халупа! — скривилась бабушка, земным жестом опустив вниз оттопыренный большой палец, — Ты знаешь, для кого ее строили? Для певички Лары Комельковой! Все ее песни — попса позорная! Даже имя дурацкое — «Лара Комелькова», тоже мне! И известность у нее известная — дутая! Ни голоса, ни слуха, ни кожи, ни рожи — тьфу! — баба Света смачно сплюнула себе под ноги. Ящерка хотела уже спросить, чем имя «Лара Комелькова» принципиально хуже имени «Леня Чубуков», но удержалась, тем более, что как раз в это время они вышли из арбузной аллейки и подошли к узорчатой ограде Главного Особняка. Она была сделана из ярко-желтого металла, имитирующего золото. Бабушка и внучки оказались у распахнутых ворот,

на которых действительно было выведено с помощью желтой блестящей проволоки «Лара Комелькова». По двум сторонам от ворот на ограде виднелись большие прозрачные розово-перламутровые шары. Ящерка догадалась, что это фонари самостоятельно, не решившись тревожить вопросами странную бабушку.

За воротами снова оказалась аллея, но на этот раз обсаженная кустами роз с большими синими цветами и красными плодами. От нее отходили маленькие тропки и дорожки, как мощеные, так и протоптанные — в целом это напоминало зеленый лабиринт. Далее последовала небольшая полянка, где стояла величавая раскрашенная статуя, изображающая, конечно же, Лару Комелькову. К ее вдохновенно воздетой руке и к ближайшему дынному дереву была привязана веревка, на которой сушилось чье-то белье. За статуей открылся бассейн с мутной водой и заросшими стенами. Там оказалось двое местных жителей — один рыбачил на одном конце бассейна, а другая стирала на противоположном его конце. Они махнули бабе Свете, а та в ответ сделала им что-то вроде козы указательным и средним пальцами. Ящерка, не удержавшись, прыснула.

— Детский садик, — вздохнула Эльза. — Смеешься над взрослыми людьми, потому что еще ничего не понимаешь во взрослой жизни! Правда,

баба Света?

— А? Че? Я прослушала, — убила Эльзу наповал своим ответом старушка. — Давайте за мной, вон парадный вход себе какой эта дура отгрохала...

Они уже подошли к Главному Особняку. В нем действительно виднелось что-то вроде ворот, изукрашенных металлом и камнями, как в Земных царских дворцах. Высотой ворота тоже не уступали дворцовым — они были не ниже четырех метров. Единственной данью современности было то, что ворота открывались не как обычные двери, а раздвигались и задвигались, уходя в толстые стены. Как только сестры с бабой Светой подошли поближе, ворота с натужным скрипом раздвинулись, открыв лестницу, из то ли искусственного, то ли настоящего розового мрамора, покрытую розовым же ковром, пушистым по краям и намертво утоптаным грязными ногами в середине.

— Ну, чего застряли? Давайте шибче! — подтолкнула их баба Света. — Нам третий этаж! Лифт сломался, когда Ирина Семеновна к себе в башню на седьмой этаж урожай гигантской картошки потащила...

Ящерка побежала вверх, беспрестанно оглядываясь. От главной лестницы отходили длинные освещенные коридоры, ведущие, видимо,

к боковым башенкам. На третьем этаже нужный им коридор был точно таким же, как остальные, только вымощенным не розовым, а зеленым мрамором. В стенах на довольно большом расстоянии друг от друга виднелись раздвижные, как и ворота и всячески разукрашенные двери. Возле них с обжитым видом лежали половики и иногда стояли тапки.

Возле двери бабы Светы тапок не стояло, зато лежал матерчатый коврик с надписью «Леня Чубуков — суперзвезда!». Бабушка с нежностью вытерла об него ноги и приложила к стене магнитный ключ. Дверь раздвинулась, и девочки гуськом прошли в свое новое жилье.

Квартира бабы Светы кардинально отличалась от привычной для Ящерки клубничной избушки. Комната, в которую они вошли, была большой, с высокими потолками и сглаженными углами, то есть кругловатой по форме. Одну стену полностью занимало огромное окно, тоже овальное, с переплетом в виде неровной паутины. Из окна открывался вид на аллеи и кусок Океанища, сверкающий на солнце блестящей рябью, возле окна висел в воздухе стол безо всяких ножек, уставленный немойтой посудой. Стульев не было. Кровати тоже. У другой стены Ящерка разглядела что-то вроде плиты и встроенного в стену холодильника. Под потолком также безо всякой

привязи висел розовый шар-лампа и тускло светился. Но почти все оставшееся на стенах этой пустоватой комнаты свободное место занимали старые цветные и нецветные глянцевые плакаты с обтрепанными краями. С них смотрел, по большей части исподлобья, странный обильно татуированный молодой человек с неприятной трехдневной щетиной на лице и кривой ухмылкой, облаченный в разные наряды — чаще всего в бельевого типа майки, широкие штаны и обтягивающие голову вязаные шапочки. Молодой человек совал в объектив либо странно скрюченную руку, либо ногу в громадной кроссовке, либо собственно голову, что было самым неприятным. На каждом плакате виднелась надпись «Леня Чубуков», на одном рядом с ней стояла фломастерная каракуля.

— Вот это да! — воскликнула Ящерка от всего сердца и ткнула в каракулю пальцем:

— А это что?

— Автограф! — молитвенно ответила баба Света. — Это я после концерта к нему прорвалась, еле распахала этих идиотов, которые к нему лезли, как ненормальные! И вот Ленька мне расписался!

— Очень интересно, баба Света. А где наша комната? — прервала ее Эльза. Баба Света ткнула рукой в очередную раздвижную дверь.

— Да там. Обустраивайтесь. Только постеры

не трогать! Кровати там антигравитационные с воздушными одеялами, на кнопку нажмете, они над полом подымутся, кресла надувные, если надо — включите компрессор и накачаете. Туалет и ванная на этаже. Зато у вас там такая клевая система колонок и стереоэкран! Эх! От сердца отрываю! Я вам там положила диски Лени для ликбеза, послушаете.

— Обязательно, — кивнула Эльза.

— А вообще, чего ждать? Я вам сама сейчас включу одну песенку со сборника... — бабушка нажала какую-то кнопку на стене, и с потолка вместе с занудной музыкой полился слащавый и довольно слабенький женский голосок:

— Сердце мое так стучит, без тебя, Сердце мое так болит, не любя, А-а-а-а-а...

— Фу, черт! — ругнулась баба Света. — Это же Лара Комелькова отстойная! Сейчас перемотаю.

— Да уж, давай, — согласилась с бабушкой Ящерка.

Музыку следующей песни уже нельзя было назвать занудной, но и само название «музыка» к ней не очень-то подходило. Иногда сквозь дикий рев электрогитар и судорожный стук барабанов прорывался хриплый мужской голос, который выкрикивал что-то неразборчивое про адское пламя, хрипел и, кажется, ругался.

Эльза от неожиданности застыла, уронив

чемодан, и Ящерка, предоставив сестре одной выразить восторги по поводу Лениной песни, опрометью бросилась в соседнюю комнату.

Дверь задвинулась, и стало тихо — здесь была хорошая звукоизоляция.

Комната оказалась тоже со сглаженными углами, тоже обклеенная вездесущим Леней Чубуковым и тоже пустоватая, только теперь Ящерка разглядела будущие кровати — черные тонкие пластины, лежащие на полу возле стен и кнопки, поднимающие их вверх, а также регуляторы высоты и температуры воздушных одеял рядом с ними; одну стену тоже занимало огромное круглое окно с паутинным переплетом, но вид из него открывался совершенно удивительный. Оно выходило прямо на восходящую Звездищу, которая заливала своим белым светом и воду Океанища, и идущую к горизонту автоматическую дорогу на блестящих столбах, а слева был виден огромный кусок Заповедника, и даже, кажется, можно было разглядеть стену, которая отделяла его от Особнячьего. Ящерка уставилась в эту массу сини и зелени, изо всех сил желая увидеть там кого-нибудь из животных Планетищи, даже лерса, хотя жуткие легенды о нем вызывали ужас и в удаленной от Заповедника сельхоззоне, но ничего не сумела разглядеть и, вздохнув, стала разбирать сумку.

Дверь раздвинулась и в нее вместе с куском громкой музыки влетела злая Эльза.

— Как тебе не стыдно так невежливо удирать! — выговорила она Ящерке.

— У тебя тоже уши болят?

— У меня от твоей невежливости голова болит! Пошли вымоем руки в конец коридора, бабушка зовет нас обедать.

— А что на обед?

— Будешь есть, что дадут!

— А что дадут?

— Бабушка говорит «Чего найдете».

— Ладно, давай иди, а я сейчас, — Ящерка расстегнула магнитные пряжки, с облегчением скинула потертый комбинезон с подогревом и вытащила из сумки новенькие синие шорты и салатовую футболку. Наконец-то можно будет все это носить! И бегать где угодно! Вот только надо отыскать компанию...

Глава 4

После обеда, состоявшего из найденных в холодильнике пирожков с арбузами и твердого печенья, сестры вышли на прогулку, выслушав грозное предупреждение бабы Светы: «Прийти в час ночи — это я еще понимаю, но после двух — этого я не потерплю, потому что в два я сама

ложусь спать!». На первом этаже Особняка за лестницей оказался просторный холл, где сидели, спасаясь от жары или просто болтая, здешние жильцы, в основном пожилые и старые люди. Только в уголке, на пухлом диване, пристроилась целая компания хихикающих девчонок примерно Эльзиного возраста и чуть младше. Сестра тут же познакомилась с ними, к ним же через минут двадцать от нечего делать прибилась и Ящерка — других детей нигде не было видно.

— Это моя сестра, — представила ее Эльза. — Лацерта.

— А, — сказала одна из девчонок и захихикала.

— Чего смешного? — обиделась Ящерка.

— Ничего смешного, — уверила ее сестра, со снисходительной улыбкой переглядываясь с новообретенными подружками, часть которых зашептала, а другая — опять захихикала.

— Ну так вот, — после паузы, продолжила черноволосая коротко стриженная девочка очевидно прерванный появлением Ящерки разговор. — Я такая к нему подхожу и говорю такая: «ну и что же ты, испугался?», а он, такой, говорит... — тут она взглянула на Ящерку и, поманив к себе Эльзу, перешла на шепот. Пошептавшись, обе начали хихикать, а Ящерку чуть не взорвало от злости.

К счастью, долго злиться она не умела,

поэтому вскоре предложила:

— А давайте на улицу пойдём?

— На улицу? — подняла брови черноволосая, будто Ящерка предложила ей слетать на Луницу.

— Погуляем, на парк посмотрим.

— Парк? — хмыкнув, переспросила другая девчонка, с толстой и короткой рыжей косой, и Ящерка поняла, что, наверное, окрестность Особняка называется как-то по-другому.

— Ну ты иди, погуляй, — снисходительнейшим тоном сказала Эльза.

— А вы? — поскольку ответом на этот Ящеркин вопрос было общее молчание, она повторила:

— А вы пойдёте?

— Нет, мы не пойдём гулять, — сообщила черноволосая. Но Ящерку нельзя было так легко обескуражить.

— Вы тут давно живёте? А в Заповедник не ходили?

Девчонки вдруг начали подталкивать друг друга локтями и прыскать.

— Марин, Марин, давай отвечай, не ходила в Заповедник, видишь, тебя девочка спрашивает!

— Да, нашу Маринку все знают!

— Ладно тебе, Кать! Тебя не знают, что ли!

— Значит, не ходили? — неуверенно сделала вывод из этой белиберды Ящерка. — А животных

не видели? А нам бабушка Вера Николаевна рассказывала...

— А, это баба Вера-паникерша! — вдруг оживилась черноволосая, обращаясь при этом почему-то к Эльзе. — У нее внук, ты увидишь, это та-акой мальчик...

— По-моему, этот Колька жуть какой противный, — заметила Ящерка. Все девчонки посмотрели на нее, потом друг на друга и дружно принялись хихикать. Уже поворачиваясь к ним спиной и уходя, Ящерка уяснила, что у Кольки, оказывается, есть неотразимый старший брат Женя, которому шестнадцать лет, но сейчас она не хотела видеть не то что чужих братьев, но даже собственных сестер.

Во дворе возле Особняка никого не было — Звездища заливала его светом, и жара стояла ужасающая. Ящерка принялась мрачно бродить по лабиринту аллей, не боясь потеряться, так как высокий Главный Особняк был виден отовсюду. Одна не дорожка, а скорее, тропинка вела за розовыми кустами вдоль квазизолотой ограды. Ящерка без всякой цели побрела по ней и зашла в тупик: путь преграждал синий куст с загнутыми, как крючки, колючками. Пройти сквозь него было нельзя, но сам он давал густую тень, в которую и бухнулась Ящерка, утирая пот и радуясь, что не последовала совету мамы отрастить волосы

подлиннее.

Неожиданно узор теней как-то изменился. Ящерке показалось, что на нее кто-то смотрит из-за ограды, и она резко вскинула голову.

На нее смотрели. Но не из-за, а с ограды. На ней, крепко вцепившись, сидело то, что Ящерка до этого видела только в фильмах и на картинках — животное! Чем-то оно походило на земную сову, но было гораздо менее скромных размеров — сантиметров восемьдесят в высоту, а в ширину ненамного меньше. Оно было темно-коричневым с белой каемкой по краям хвоста и крыльев, с гладкими и блестящими перьями. Склонив крупную голову, плавно переходящую в плечи, оно смотрело на Ящерку широко открытыми желтыми глазами с едва заметными зрачками и слегка пощелкивало небольшим белым крючковатым клювом.

Ящерка восхищенно ойкнула.

Птица склонила голову на другую сторону, и под клювом у нее вдруг расцвела широкая улыбка, обнажив оранжевые десны и мелкие белые зубы.

— Вах-х-х-р-р-р, — довольно пророкотала птица каким-то из своих ртов.

— Мама, — не столь довольно пискнула Ящерка, понявшая, что набрела на ту самую птицу-улыбку из рассказов Веры Николаевны.

— Мама! — вдруг повторила птица нижним ртом, и Ящерка машинально поправилась:

— Да нет. Я-то Ящерка.

— Я-то-я-щ-щерк! — сказала птица-улыбка, и, в соответствии со своим названием, снова улыбнулась. Ящерка смутно вспомнила рассказы мамы о попугаях, повторяющих за людьми слова, вспомнила также, что они обычно не хищные, приободрилась и даже собралась было пощупать край птичьего крыла.

Птица-улыбка нахмурилась, ловко свистнула сквозь зубы и развела в стороны крылья, которые, оказывается, соединялись с хвостом чем-то вроде перепонки, так что вся птица образовывала почти ровный коричневый круг. Оттолкнувшись лапами, на каждой из которых, как Ящерка успела заметить, было не меньше шести пальцев, она подпрыгнула, буквально упала на воздух, выровнялась, судорожно подергиваясь всем телом, и, медленно набирая высоту, полетела в сторону Заповедника.

Распираемая впечатлениями Ящерка тоже хотела побежать поделиться увиденным если не с противной Эльзой, так хотя бы с бабушкой, но тут послышался быстрый топот нескольких ног по тропинке, и в тупик торопливо вбежала целая компания ребят различного возраста и пола: трое мальчишек и одна девчонка. В одном из мальчишек Ящерка не без неудовольствия узнала растрепанного Кольку, внука Веры Николаевны. Второй пацан был выше Кольки на голову, и,

наверное, постарше. Он выглядел несколько толстоватым, хотя полноту и скрадывал черный загар, и имел на голове прическу в виде короткого белого ежика. Третий пацан был основательно младше всех — лет семи, или, от силы, восьми, с аккуратно подстриженными «под горшок» русыми волосами и робко хлопающими с загорелого лица большими серыми глазами. Тощая девчонка в пестром сарафанчике, с двумя крысиными хвостиками рыжеватых волос Ящерке не особенно понравилась — так и чувствовалось, что она обожает шептаться и хихикать. Впрочем, кажется, и компания от нее самой не пришла в восторг. Противный Колька скрестил руки на груди и поинтересовался:

— Ты че здесь делаешь? А ну иди отсюда!

— Чего хочу, то и делаю! — обозлилась Ящерка.

— Вот и в другом месте делай что хочешь! Иди отсюда!

— Ты другие слова-то знаешь?

— Не хуже тебя!

— Ну Коль, ну действительно, — каким-то тягуче-егозливым голосом вступила девчонка. — Просто уши вянут уже!

— А тебя, Танечка, тоже никто не звал! — не долго думая, огрызнулся Колька.

— Ну и подумай, — обиделась она и

прикрыла юркие карие глазки.

— Чего набрасываетесь? — воспользовавшись паузой, укорила их всех Ящерка. — Мы с сестрой только сегодня приехали к бабушке! У меня сестра и так дура, с такими же противными девчонками познакомилась и сидит хихикает, а тут еще вы!

— Да? — вдруг заинтересовался ей белобрысый с ежиком. — А тебя как зовут?

— Ящерка... То есть Лацерта, но в переводе это ящерица и значит.

— Ой, интересно как, — завистливо сказала Танечка. — А меня Таня зовут. А это — показала она на белобрысого — Глебка.

— Я бы и сам представился, — запротестовал белобрысый. — Ну да, я Глеб. Это Колька, а это — он пренебрежительно кивнул на младшего, — Рюшка, то есть Андрюшка. За нами все время бегают. Рева-корова.

— И не всегда я реву, — тихо возразил Рюшка и плаксиво скривил губы.

— Смотри, Коль, ее тоже в компанию не взяли, — сказала Танечка.

— Ну и че ее за это, на руках носить, что ли? — скривил он свое носатое лицо.

— А давай я буду с ней дружи-ить, — протянула Танечка просительно. — Давай ее к нам в друзья возьмем, а то мне с вами и поговорить не о че-ем...

— Да делай что хочешь, только не ной, — махнув рукой, сказал Колька резким голосом, напомнив Ящерке птицу-улыбку.

— А я тут птицу только что видела... — сказала она. — С двумя ртами! Она за мной слова повторяла!

— Повторяла! — тоже повторил Колька. — Это ты ее спугнула!

— Да ладно, Коль, меня от нее жуть берет, — заметила Танечка.

— Я же не знала, — пожала плечами Ящерка. — А зачем она вам?

— Прикармливаем! — оглянувшись, сообщил Глеб густым шепотом. — Это Колька ее приручает! Только никому не говори, а то нам голову отвернут! Она же из Заповедника прилетает.

— Вот здорово! — восхитилась Ящерка. — А вы что, там уже были?

— Еще нет, — резко ответил Колька.

— Ящерка, слушай, а ты только что приехала, значит... это, не гуляла? — с запинкой спросил Глеб. Ящерка радостно помотала головой.

— А давай тогда с нами! Мы как раз гулять собрались! Можно, Коль? — заискивающе обратилась Танечка к хмурому пацану.

— Ла-адно, — буркнул тот. — Птицу спугнула... Лазать-то хоть умеешь?

— Умею! — заявила Ящерка гордо.

— Тогда полезли, — скомандовал Колька и повис, подтягиваясь, на квазизолотом заборе.

Глава 5

— Ой, Коль, ну ворота же есть... — заняла Танечка.

— Нет, все девчонки — слабачки! — сделал раздраженный вывод Колька, и Ящерка, собиравшаяся вначале сказать то же, что и Танечка, благоразумно промолчала.

За забором оказались заросли местного растения Планетищи с острыми и блестящими сине-фиолетовыми листьями. Компания начала явно привычно продираться сквозь них.

— А мы, вообще, куда? — поинтересовалась Ящерка у Глебки, который пока что нравился ей больше всех.

— На берег! — отозвался он, отдуваясь. — Мы еще купаться хотели, но, небось, не успеем уже.

— Почему?

— Сейчас посмотришь...

Юркий Рюшка, обогнав всех, затерялся среди листьев и через несколько секунд подал звонкий писклявый голос:

— Не, Коль, Глеб, Тань! Еще можно купаться!

— Вот только не тебе, — решительно отрезал

Глеб. — Мало тебя в прошлый раз вытаскивали?

— Ну и что? — передернул плечами Колька. — Так и не научится, если на берегу будет торчать...

За этими разговорами они вышли из зарослей на открытую местность с огромными валунами, стоящими среди голубой травы. Отсюда открывался примерно тот же вид, какой Ящерка наблюдала из окна своей здешней комнаты — на автоматическую дорогу, Океанище и Заповедник — значит, недалеко был обрыв. Кажется, как раз на самом его краю стоял юркий Рюшка и манил их рукой. Увидев, что к нему подходят, мальчик приглашающее кивнул, сделал шаг и с визгом ухнул вниз! Ящерка застыла от ужаса.

— Ну во-о-т, — недовольно протянул Колька. — Сейчас он опять реветь начнет.

— Андрюша, ты там как, сильно? — подбежала к обрыву Танечка, и откуда-то снизу послышался ноющий и канючащий голос:

— А-а-а-а... Я коленку уши-и-иб...

— Вот всегда он так, — махнул рукой Глеб и обратился к Ящерке. — Спускайся осторожнее, а то так же навернешься.

Ящерка, наконец, взглянула вниз и увидела, что эта сторона Особнячьего вовсе не такая неприступная и отвесная, как казалось с дороги — она состояла из череды небольших каменистых

плато, которые спускались вниз, образовывая ступени. На первом из них под ярким Звездициным светом сидел и ревел ушибленный Рюшка, а на последнем, самом широком из всех, Ящерка разглядела небольшое озерцо с блестящей фиолетовой водой.

— Вот, гляди, это Временное озеро, — показала ей Танечка.

— Временное? — переспросила Ящерка.

— Да нет, Временное! Одни мы здесь и купаемся. Это Колька его так назвал.

— А почему?

— Да потому, что оно Временное и есть, — фыркнув, отозвался Колька, ловко прыгающий по уступам. — Чего тут непонятного? Когда прилив — оно есть, а когда сильный отлив — нету. Зато тогда есть Фиолетовый грот...

— Коль, ну возьми меня туда-а, — с ходу заканючил Рюшка.

— Да иди, кто тебе не дал.

— Я не дал. Он же плавать не умеет, — строго сказал Глеб и подал руку Ящерке, чтобы помочь ей соскочить с крупного камня. Колька фыркнул презрительно, а Танечка — завистливо.

Временное озеро оказалось довольно большим, с очень крутыми и обрывистыми, да к тому же и удивительно скользкими берегами.

— Вода уже низко опустилась, —

констатировал Глеб. — Рюшка, сиди на берегу. Ящерка, ты плавать хорошо умеешь?

— Ага.

— Тогда еще ладно. А то тут же дна нету.

— Почему нету? Просто там внизу еще грот, только он сейчас водой залит, — обернувшись через плечо, бросил Колька и, стянув через голову футболку, заявил:

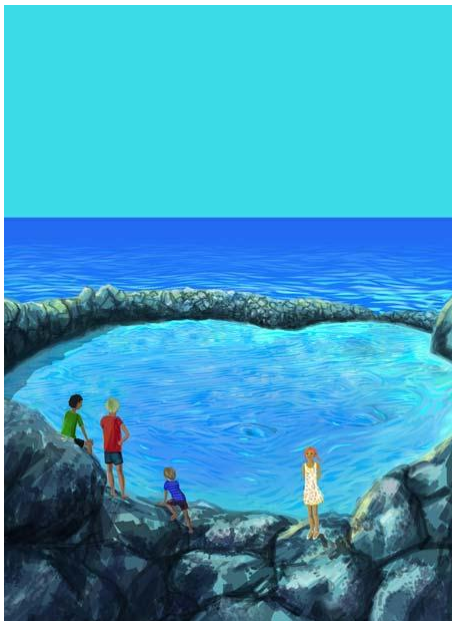
— Я купаться.

— А как ты в воду попадешь? — не выдержала Ящерка.

— Да скачусь, как по горке, тут камень прямо полированный.

— А обратно как вылезешь?!

— Ты чего, слепая, что ли? — нелюбезно отозвался Колька на заботу о своей персоне. — Не видишь — лестница! Мы и сделали!

Ящерка прищурилась и увидела, что неподалеку действительно стелется по пыльной земле и уходит в воду самодельного вида лесенка из веревок и палок. В самом верху она была привязана к здоровенному внушающему уважение валуну. Да, валун-то уважение внушал, а вот сама лесенка...

Однако Колька уже скатился по полированному камню и с тугим плеском плюхнулся в воду. Глеб показал кулак Рюшке,

аккуратно сложил свою одежду и осторожно слез вниз по лестнице. Танечка, егозя, закатывая глаза и вскрикивая «Ой, я боюсь!» тем не менее, мгновенно скинула сарафан, оставшись в таком же пестром купальнике, поджала колени к груди и, подобно Кольке, съехала вниз.

Ящерке не хотелось ударить в грязь лицом перед новой компанией и хотелось утереть нос противному Кольке, поэтому она тоже подступила к краю, не снимая шорт и футболки, так как купальник одеть, уходя гулять, не догадалась. Фиолетово-голубой камень был еще более гладким, чем она ожидала — ее со свистом понесло вниз, разворачивая и подкидывая на небольших трамплинчиках, а потом довольно сильно ударило об упругую воду.

Вода оказалась прохладной, особенно по сравнению с поселковым бассейном, зато держала не в пример лучше. Ящерке вообще показалось, что при известном усилии на ней можно сидеть, как на кресле — из уроков школьной географии она припомнила, что плотность воды в Океанище очень большая, поэтому на ней редко бывает мелкая рябь, только крупные волны.

Тут рядом с Ящеркой что-то фыркнуло, и вынырнул мокрый Колька. Видимо, она-таки сумела заработать его уважение, потому что он сказал довольно мирно:

— На середину не плыви. Там что-то типа водоворота.

— Почему?

— Вода-то вниз уходит. Сейчас он еще несильный, а потом такое начнется!.. Ну, ты еще увидишь. Ты же сюда надолго?

— Ага, на три месяца.

Колька одобрительно кивнул, на мгновение сел на воду, убрал за уши слипшиеся волосы и широким кролем уплыл на запрещенную им же самим середину Временного озера. Танечка, визжа, барахталась неподалеку от Ящери, Глеб по-лягушачьи плавал вокруг них, не забывая поглядывать на оставленного на берегу Рюшку и показывать ему то фигу, то кулак...

Купались они где-то минут двадцать, после чего внимательный Глеб обнаружил, что вода уже сильно опустилась, и предложил всем вылезать. Ящерика, занятая ловлей хохочущей Танечки, впервые посмотрела вверх и обнаружила, что воды убавилось почти вдвое — они находились будто бы в огромном фиолетово-голубом колодце с блестящими стенками. Веревоочная лестница выглядела абсолютно ненадежной, а внизу — неизвестно сколько метров или километров глубины...

— Ну че, сдрейфила, да? — послышался над ее ухом знакомый противный голос Кольки.

— Сам сдрейфил, — огрызнулась Ящерка и, жмурясь от брызг, которые летели с пяток залезающего вверх Глеба, решительно вцепилась в мокрую лестницу.

С берега Временного озера компания решила пока не уходить, тем более, что Танечка вознамерилась позагорать и крестом разлеглась на голубом камне.

— Ну да, а нам куда загорать? — проворчал черный Колька и сел, обхватив колени руками.

— Хоть погреемся, — как всегда миролюбиво рассудил Глеб и тоже улегся.

— А я уже почти согрелась, — сказала Ящерка, выжимая подол мокрой футболки. — У меня даже волосы высохли — надо же, как Звездища здесь лупит!..

В ответ на это вроде бы безобидное замечание компания вдруг странно посмотрела на нее.

— Серость! Сама ты Звездища, — презрительно бросил Колька. — Это Сириус!

— Вот это? — для верности уточнила Ящерка, показав на Звездищу. Звездища безмятежно сияла.

— Конечно это, а что же еще! — Кольке явно не нужно было много, чтобы прийти в раздражение. — У нее название есть! Тебе бы понравилось, если бы тебя вместо твоего дурацкого имени все называли девочкой, а когда вырастешь, тетенькой?

— Ну так же все говорят...

— Да потому что все ни фиги не знают и знать не хотят! У меня бабушка на космодроме работала, она мне и рассказала про это. Раньше люди сюда прилететь веками мечтали, а сейчас прилетели и ноем: «Заберите нас обратно»!.. Мало того, что ни планету никак не назвали, ни спутники, да еще и название звезды забыли!

Звездища смотрела на Ящерку уже с явной укоризной.

— Ой, — сказала Ящерка. — Ладно, Сириус мне гораздо больше нравится. Слушайте, ребята, а может тогда и Луны как-то назовем? И Океанище? И... Планетищу?

— А мы, Ящерка, уже назвали! — встрял Рюшка.

— Ага, но ты не расстраивайся, еще не все, — успокоил Глеб.

— Вот Луны у нас называются Селена и Милена! Это я придумала! — похвасталась Танечка, переворачиваясь и подставляя лучам Сириуса вместо коричневого живота черную спину.

— Придумала! — фыркнул Колька. — Это моя бабушка сказала, что Селена — это то же, что и Луна, а ты Милену какую-то приплела.

— Ну и что! Это имя зато такое красивое!

— А мы с Глебом Океан называли! — похвастался Рюшка. — Назвали Южный

Неядовитый...

— Какой Неядовитый?! — набросились на него со всех сторон. — Сколько можно путать! Неледовитый!

— Почему? — только и спросила Ящерка.

— Потому что в названии должны отражаться какие-то свойства океана. Вот на Земле есть Северный Ледовитый, а у нас он, наоборот, теплый и безо льда, — объяснил Глеб.

— А, понятно, Неядовитый... то есть Неледовитый, значит. А Планетищу как назвали?

— Не называли еще, — серьезно отозвался Колька. — Подбираем материалы. — Окружающие места пока называем по мелочи. Может, и ты чего-нибудь придумаешь, если ума хватит.

— Да уж хватит, не беспокойся!

— Жалко мы тебе пока не можем показать нашу Бухту-часы! — поспешно вмешался Глеб. — Отлив все-таки еще слабый. Вот завтра обязательно надо сходить. А если тебе с нами будет интересно, то мы тебе еще кучу всего покажем. Скоро вот Медузы острова откроются...

— Это я их так назвал, — небрежно бросил Колька. — Медуз там много потому что.

Танечка вскочила и обняла Ящеркино плечо нагретой тощей рукой.

— А чего ей с нами будет неинтересно-то? — протянула она. — Я же сказала, мы с ней дружить

будем. Ящерочка, правда? И потом, ее ведь тоже из компании выгнали, — обратилась она к Глебу. Тот несколько смущенно кивнул.

— Да... Видишь ли... Мы тут всех к себе берем, кого из обычных компаний выгоняют и никуда не принимают.

— Это точно! Чихать на них! — выкрикнул Колька. — Для того я вас всех и собрал!

— Чтобы чихать? — захихикала Танечка. Ящерка промолчала, донельзя удивленная: оказывается, Колька, а не Глеб, предводитель в этой компании!

— Другие пусть чего хотят, то и делают, — не обращая внимания на Танечкину реплику, сказал Колька. — А мы тут все исследуем. И карты рисуем. Кстати, ты рисовать умеешь?

— Да так, немножко...

— Во! Будешь мне помогать, а то эти даже немножко не умеют!

— Ладно... Ой, что это?!

Где-то внизу вдруг раздался резкий всасывающий звук вперемежку с утробным бульканием. Ящерка вскочила на ноги и сама получила ответ на свой вопрос: это вода Временного озера ушла дыру на его дне, которая оказалась относительно небольшой — метра два-три в диаметре. Вместо озера остался гладкий блестящий котлован, который напомнил Ящерке

здоровенную ванную...

— Видела, видела? — заскакал на одной ножке Рюшка, так и порываясь свалиться со скользкого берега. Колька брезгливым тычком пальца отвалил его подальше от края и посмотрел на Ящерку своими черными глазищами.

— Ну чего, ты там в обморок не упала? Пошли, покажем тебе наш штаб.

Штаб находился почти сразу за изгородью Большого Особняка и Ящерке очень понравился, так как соответствовал ее понятиям о прекрасном: промятый в диких кустах с серповидными колючками и маленькими красными листиками коридор вел к небольшому сухому овражку, на берегу которого стоял на симметрично расположенных корнях потрясающих размеров пень неизвестного дерева с пупырчатой темно-синей корой. Верха пня Ящерка не смогла увидеть, даже изо всех сил задрала голову, зато снизу, под корнями, был сделан круглый подкоп, который, видимо, и являлся входом в штаб.

— Вот тут надо на четвереньках пролезть, — хмуро объяснил Колька. — Зато потом выпрямиться можно: мы там все вычистили, сердцевина сгнила.

— Здорово! — искренне восхитилась Ящерка, и он продолжил уже не столь хмуро:

— Наверху мы лист пластмассы положили,

вместо крыши, чтобы не текло. Из коридора Особняка от стены отковыряли. Никому не говори.

— Конечно! И как, не течет?

— Течет.

— Почему?

— Мы там люк сделали, к нему изнутри стремянка ведет, как смотровая площадка получается. Вот люк этот и течет.

— Да ничего, у нас внутри тазики стоят! — счастливо воскликнул Рюшка.

— Не лезь... А ты, наоборот, давай лезь.

Ящерка послушно согнулась в три погибели и ввинтилась вслед за Колькой в земляную дырку. Некоторое время ей было темно и узко, потом стало темно и просторно.

— Э, — позвала она, осторожно вставая на колени. — У вас свет-то есть?

— Есть, сейчас Танька принесет... Ну ты там чего, уснула?

— Несу, несу, — рядом с Ящеркой неожиданно появилась Танечка, освещенная каким-то призрачно-голубым светом. В обеих руках она осторожно держала круглый стеклянный предмет вроде аквариума, но с какими-то странными узорами на стенках. В него была налита фиолетовая океанская вода, а в воде меланхолично колыхалось нечто, похожее на кусок студня с частой бахромой по нижней плоскости, который

светился ровным голубоватым светом.

— Это что? — прошептала Ящерка.

— Медуза Глаша, — представил Колька студень. — А медузы Маша, Петя и Олег сейчас заряжаются. Их если на Сириусе подержать, то они свет набирают и потом сами светятся. Мы их в Неядовитом океане наловили... Тьфу ты! В Неледовитом. Убить мало этого Рюшку...

Медуза Глаша внушала Ящерке уважение и некоторый ужас. Отодвинувшись от нее подальше, она осмотрела штаб. Изнутри пень представлял собой довольно большую круглую комнату со сделанным из камня и листа пластика столом и несколькими раскладными стульчиками. На полу, то есть на земле, валялись два надувных матраса, на неровных стенах висели самодельные карты, нарисованные светящимися маркерами. Справа от стола стоял белый гладкий ящик, видимо, служивший хранилищем для съестных припасов, а слева в пол упиралась крашеная железная лесенка, явно украденная с какой-то детской площадки. Вела она, понятное дело, к люку — недаром под ней стоял пластмассовый тазик.

— Здорово вы тут устроились! — заключила Ящерка с невольным сожалением, что она сама не успела поучаствовать в обустройстве штаба. — А что это за дерево?

Свет задрожал — это захихикала Танечка.

— Ой, Ящерка, представляешь, говорят, что это когда наши только прилетели сюда, на Планетищу, то начали на пробу сажать разные семена. И посадили цветочек, мальву. А она ка-а-ак вырастет в вот такущее дерево! Еле ее потом спилили, и больше мальву никогда не сажали.

— И кто тебе такие глупости рассказывает? — мрачно удивился Колька. — Или сама придумываешь? Это местное дерево, таких в Заповеднике полно. Ты в окне увеличитель включи и глянь, они над всем лесом торчат, у них не листья, а типа лопасти такие синие, тоже жесткие.

— Ну да, очень мне надо Заповедник разглядывать, — передернула плечами Танечка.

— А как включается увеличитель? — спросила Ящерка.

— Не знаешь? А, ну да, действительно, это почти никто не знает. Сейчас расскажу. А потом перекусим и будем карты рисовать. Ты ж домой не торопишься?

Ящерка вспомнила бабу Свету и с чистой совестью подтвердила:

— Не тороплюсь!

Глава 6

Было около трех ночи дневного дня. Поэтому Звездища, то есть Сириус, светил вовсю,

потихоньку поднимаясь к зениту. Эльза спала, привычно отвернувшись к стене от яркого света, на поднявшейся над полом кровати-платформе, над ней колыхалось марево теплого воздушного одеяла. Ящерка же, сидя на своей кровати, смотрела в огромное круглое окно...

В Особняк она явилась по своим понятиям довольно поздно, часов в десять, однако баба Света была иного мнения.

— Ну, че это такое, че так слабо? — презрительно сморщилась она. — Вот я в свое время гуляла — предки на ушах стояли! На Земле таких послушных и не было уже почти, а тут развели... Лопать будешь?

— Нет, баба Света, я ела у друзей.

— Ну ни фиги себе! А я-то старалась — пошла у Еремеевых реповый суп выпросила... — своеобразно огорчилась бабушка, и Ящерка поспешно согласилась:

— Ладно, могу и поесть.

Ужин прошел вполне мирно — суп оказался вкусным и даже теплым, и баба Света не завела музыку Лени Чубукова, а только принесла диск цифровых фотографий своего кумира и проецировала их на ближайшую стену, сопровождая подробными пояснениями. Ящерка истово кивала.

Примерно в час ночи заявила Эльза, вызвав

бабасветино одобрение таким поведением. Вид у нее был крайне усталый, хотя ни на одежде, ни на босоножках — ни пылинки, а на лице — ни следа Сириусского загара.

— Ну как, вы где гуляли? — спросила Ящерка, как только сестры оказались в своей комнате. Эльза, подняв в воздух свою кровать, тщательно расчесывала волосы и ответила неохотно и не сразу:

— Что значит «гуляли»? Ты еще из детского садика не вышла? Неужели мы будем лазить по всяким там оврагам! Мы были в Особняке — снаружи очень сильное солнце. У тебя вот все лицо красное — не особо красиво для девочки.

— А ты вся бледная, как сахарная свекла! — огрызнулась Ящерка. — Что можно целый день до ночи делать в Особняке?

Сестра снисходительно посмотрела на нее, возвела глаза, пожала плечами и наконец сказала:

— Ой, да что с тобой говорить, ты еще маленькая. Отстань и не мешай мне спать.

— Ну и пожалуйста, — пробормотала Ящерка, поняв, что ее рассказы о птице-улыбке и новых знакомых не встретят никакого интереса.

Утомленная неизвестно какими трудами Эльза быстро заснула, а Ящерка принялась изучать свою кровать-пластину — в сельхоззоне о таких только слышали, но никто их не видел. При нажатии

кнопки черная пластина поднималась и повисала на некоторой высоте, которую можно было немного регулировать. Оказалось также, что после поворота другой ручки жесткая пластина меняла структуру и становилась мягкой, как гамак. Еще один рычажок включал воздушное одеяло — вокруг Ящерики образовалось чуть колышущееся облако теплого воздуха, который, почему-то, не развеивался. «Эльзе небось ее подружки объяснили, как пользоваться кроватью», — подумала Ящерица, с трудом регулируя одеяльную температуру. Когда она стала, наконец, приемлемой, спать совсем расхотелось. Ящерица села и уставилась в огромное окно — благо, кровать висела возле него. Тут она вспомнила про увеличитель, о котором говорил Колька. Ну да! Можно же еще рассмотреть Заповедник!

Ящерица соскочила с кровати, подбежала к окну и с силой три раза провела по внутренней стороне одной из средних секций паутинообразной рамы. Стеклопластик помутнел, и видимый в нем кусочек автоматической дороги вдруг ощутимо увеличился в размерах. Правда, при этом он остался таким же мутным и размазанным, как само стекло. Но Ящерица помнила со слов Кольки, что кое-где увеличение работает некачественно, поэтому занялась другой секцией рамы...

После двадцати минут усиленного труда

обнаружилось, что четкое изображение дают средняя и нижняя левая угловая секции. Это было удачно — ведь как раз через угловую секцию и был виден Заповедник! Ящерка, затаив дыхание, уставилась в стекло.

Неразборчивая сине-зеленая масса при увеличении оказалась вовсе не сплошным лесом — в Заповеднике были и поля, и озера, и маленькая река, видимо, впадающая в Южный Неядовитый... то есть Неледовитый океан... Ящерка сразу же углядела обещанное Колькой синее пупырчатое дерево с листьями, похожими на огромные скругленные лопасти. Напоминая то ли пропеллер на ножке, то ли сломанную ветряную мельницу, оно возвышалось над остальной растительностью. Ящерка еще увеличила изображение. Теперь стала видна расположенная под деревом весьма симметричная по форме полянка, и стоящие на ней кусты или растения тоже какой-то странно ровной круглой формы, как будто их кто-то подстригал. Впрочем, Ящерка не была уверена, что они вообще имели листья. Она собралась было еще увеличить картинку и уже подняла руку, но так и застыла, опираясь на раму и уперев нос в стекло: откуда-то из круглого куста вдруг выскочило живое существо, еще одно животное! Оно было весьма крупным, тощим, с изогнутым хребтом, четырьмя длинными лапами и растроеным хвостом,

похожим на плетку. Животное покрывала красно-оранжевая шерсть с коричневыми подпалинами. Словно специально для того, чтобы его было лучше видно, оно повернулось, и Ящерка увидела выпученные зеленые глаза, сидящие почти на макушке длинной головы, бесформенные складчатые уши и морду, заканчивающуюся роговым темно-коричневым клювом. Лерс!

Ящерка чуть не взвизгнула, но в последний момент вспомнила, где она, и, сама себе покрутив пальцем у виска, стала смотреть дальше.

К первому лерсу не замедлил присоединиться второй, ко второму — третий, и всего их набралось штук десять. Собравшись в неровный кружок, жуткие животные принялись подпрыгивать на месте, разевая рты, видимо, в громких воплях. Одно из них прыгнуло в середину круга с чем-то непонятным, плоским и синим и принялось изо всех сил драть это нечто здоровенными когтями трехпалых передних лап. Рот оно разинуло так, будто хотело проглотить две Ящерки и одну Эльзу в придачу...

Ящерка судорожно провела по раме, снимая увеличение, и отбежала от окна к кровати. «Хорошо, что Заповедник такой стеной отгорожен!» — подумала она испуганно. — «И что эту стену охраняют. Нет, уж лучше птица-улыбка! Если такой лерс около Особняка появится, можно

помереть со страху! Хорошо хоть, я никогда в этом Заповеднике не окажусь...»

Воздушное одеяло успокоительно грело. Леня Чубуков на ближайшем постере корчил рожу. Ящерка показала ему в ответ язык, отвернулась к стене и почти тут же уснула.

Глава 7

Проснулась Ящерка из-за ночных приключений довольно поздно: встроенные в стену часы показывали полдвенадцатого. Сириус стоял теперь западнее, его уже не было видно в окно. Эльза все еще спала, так что будить ее Ящерка не стала и, потихоньку одевшись, раздвинула дверь в бабушкину комнату.

Баба Света также бодрствовала и что-то делала, сидя за столом: Леня Чубуков, как ни странно, не звучал.

— Ну и чего ты в такую рань подскочила? — недовольно поинтересовалась бабушка. — Думала, я тебя кормить буду? Сама только что глаза продрала и укладку сделала. — Волосы ее и вправду сегодня были склеены в своеобразный красно-желтый гребень, идущий вдоль головы.

— Это у тебя, баба Света, чего, пробор наоборот? — любопытствовала Ящерка.

— Да ты че! Чему тебя учили... Это же

ирокез! В мое время такой причесон самые крутые ребята носили. Хочешь, и тебе такой же сбацаем?

— Да нет, лучше Эльзе, она у нас хочет быть красавицей, — мстительно сказала Ящерка и заглянула в холодильник, где тихо стоял одинокий пакет с томатным супом быстрого приготовления.

— Э, не, это не бери! — заорала баба Света, вскакивая.

— А что, просроченный?

— Еще какой! Я его пятьдесят лет назад сперла из гримуборной Лени Чубукова, он начатый. Представляешь, Леня оттуда ел!..

Ящерка вполне представляла, тем более, что сама была голодной.

— А мы-то чего поедим? — спросила она. Баба Света шумно вздохнула и показала на стол:

— Да во: блины с розовым сиропом у соседки стащила, хотела сама порубать, пока вы не проснулись, ну уж ладно, лопай, раз поймала.

Ящерка не заставила себя долго просить и, усевшись на стул в виде черной тонкой пластины, который по мановению руки бабы Светы выехал из стены, принялась вместе с бабушкой уминать блины. Некоторое время царила чавкающая тишина, потом ее нарушила хриплая, громкая и немелодичная последовательность нот, грянувшая с потолка.

— Фу! — воскликнула Ящерка, чуть не

подавившись. Баба Света одобрительно кивнула.

— Еще бы. Это же мелодия из песни Лары Комельковой! А так вообще это звонок, — она закричала и подошла к двери с вопросом:

— Ну кто там приперся с утра пораньше?

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулся юркий нос Танечки.

— Баб Свет, здрасьте, а Ящерка вы-ыйдет? — протянула она.

— А я почем знаю? Пусть сама решает.

— Сейчас выйду, Тань, погоди! — закричала Ящерка, с некоторым трудом вылезая из-за тесного стола. — Баб Света, я побежала, обедать, наверное, не буду.

— Правильно, — одобрила бабушка. — Фигуру надо блюсти с сопливого возраста!

— ...Вы что, уже собрались? — поинтересовалась Ящерка, сбегая за Танечкой по розовой лестнице.

— Ага, Колька рано встает, и я тоже. Он меня и послал.

В нижнем холле было прохладно и довольно безлюдно, только какая-то мрачная и толстая старушка в солнечных очках, сопя, раскладывала по полу возле окна на просушку мелкие плоды роз. А на диване уместилась одна из Эльзиных подружек — та, которая с короткими черными волосами. Рядом с ней развалился практически полулежа

смуглый парень лет шестнадцати в белой футболке и белых же штанах, с небрежно растрепанными черными кудрями, голубыми глазами и коротким, но горбатым носом. Он смотрел в потолок. Девчонка же соизволила заметить Ящерку и небрежно позвала:

— Эй, как там тебя, Ящерица... Эльза скоро выйдет? Жень, это Эльзина сестра, представляешь, ее Ящерицей зовут, — объяснила она парню.

— Понятно, — зевнул тот, не поглядев ни на Ящерку, ни на свою соседку по дивану и рывком поднялся, сообщив:

— Ладно, я пошел...

— А куда это ты, Женечка, собрался? — надулась девчонка.

— К Лехе и Михе в башню, в видак играть... — сообщил парень и вперевалочку удалился вверх по лестнице.

— Может уже и поздновато, — сказала Ящерка подружке сестры. — Но я, в общем, не знаю, когда Эльза выйдет. Ей бабушка, наверное, ирокез делает...

И Ящерка со смехом выбежала вслед за Танечкой во двор.

— А ты знаешь, кто это такой? — хихикнула Танечка. — Это же Женька, Колькин старший брат!

— Ничего, похож, — убежденно сказала Ящерка.

Младший родственник своего брата Жени вместе с Глебом и Рюшкой сидел под кустом у забора, в том самом месте, где Ящерка увидела птицу-улыбку.

— Тебя только за смертью посылать, — приветствовал он Танечку и слегка кивнул Ящерке. — Давайте пошли быстрее.

— В Бухту-часы? — обрадовалась Ящерка.

— Ага, — приветливо отозвался Глеб. — И на первый Медузий остров, мы там медуз Петю и Олега выпустим и других возьмем, а то они чего-то горят неярко.

— Нет, медуз выбирать лучше завтра, — возразил Колька. — Понятнее будет, как они светятся. А пока до бухты прошвырнемся.

— Это вы чего, вечерним днем куда-то пойдете? — удивилась Ящерка.

— А что, дома, что ли, сидеть? — исчерпывающе и раздраженно ответил Колька, ускоряя шаг.

Шли они по тому же пути, что и вчера — через забор, сквозь кусты и вниз по уступам. Временное озеро, точнее, котлован из-под него уже высох и посерел от осевшей на стенках соли.

— У-у-у! — сложив руки рупором, крикнул вниз Рюшка. Получилось небольшое эхо.

— Давай проходи, у-у, — передразнил его Глеб. — Ящерка, иди по краю, нам вниз.

Ящерка только сейчас обратила внимание, что вода Океанища отступила еще сильнее, открыв несколько дополнительных уступов. Последний из них, в виде длинной, гладкой и довольно узкой ступени, был наполовину залит водой — через него иногда перекатывали волны и с грохотом разбивались о скалистую стену, почти доплескивая до соседнего уступа.

— А, уже Скользящий уступ появился, вовремя идем, — деловито заметил Колька и, как всегда не оглядываясь, первым ринулся вниз.

— А нам куда?! — крикнула Ящерка сквозь шум волн, стараясь не отставать от него.

— По Скользящему уступу влево, потом по Гребешку, а потом между двумя скалами и пришли. Больше разговоров!

— Ящерка, не торопись, — предостерег Глеб, — Скользящий уступ, он, знаешь...

— Какой скользкий! — весело подхватила Танечка. — Я один раз так загремела, меня чуть волной не расшибло, вся перепугалась...

Скользкость Скользящего уступа, как оказалось, нельзя было достоверно передать никакими словами: Ящерка предусмотрительно скинула босоножки, но все равно поехала по мокрому камню, как по поселковому искусственному катку. Танечка, смеясь, пыталась подвернуть и без того короткий пестрый сарафан и

пищала:

— Ай, как брызгает! Глебочка, спасай!

— Какой спасай, не видишь, я занят! — отплевываясь, отвечал Глеб, который обеими руками держал за плечи неудержимо падающего Рюшку. Колька, посмотрев на это все, только хмыкнул и, широко размахивая руками, двинулся вперед коньковым ходом. Ящерка, переняв его манеру, только наклонившись вперед для большего равновесия, поехала следом. Круглые блестящие волны равномерно окатывали ее до колен, но, вроде бы, с ног не сбивали.

Уступ, плавно загибаясь и сужаясь, шел вдоль скалы. Ящерка уже почти нагнала Кольку, а он как раз в это время, ловко встав боком, затормозил, в результате чего они столкнулись и дружно обрушились в воду.

Вынырнув, готовая к обороне Ящерка заранее сердито уставилась на Кольку из-под облепивших лицо волос. Но тот заявил неожиданно радостно:

— Ну и ладно, все равно нам как раз здесь сходить. Поплыли вон туда, к Гребешку, — он ткнул рукой направо, где из воды торчало что-то вроде черного хребта из камней.

— Коль, ну нельзя было еще чуть подождать? — застонала Танечка. — Обычно тут есть такой узенький переход... — она вздохнула и обреченно полезла в прозрачно-фиолетовую воду.

Ящерка поплыла вперед, слыша позади крики Рюшки: «Ну Глебка, ну пусти, я хочу учиться плавать!» и «А-а-а, я воды-ы-ы хлебну-у-ул!».

Гребешок оказался не таким уж скользким, но зато на нем не было ни единого ровного места и ноги, подворачиваясь, застревали между камнями. На протяжении всего пути по нему компания не переговаривалась, только слышалось напряженное сопение и иногда ойканье и айканье. Хребет, как очень своеобразная тропинка, привел их к двум громадным сомкнувшимся скалам, между которыми осталась внизу крайне небольшая дыра высотой не больше метра, а шириной и того меньше.

— А это — Каменистые Воротца! — объяснил Рюшка.

— Скалистые Врата! — нетерпеливо поправил Колька. — Ты опять переиначиваешь!

— Какие же они Врата, в них скоро даже ты застрянешь, — захихикал Рюшка.

— Вот как дам леща...

— Гле-е-е-еб, а Колька дере-ется!..

— Фу, мальчишки, вы все время про одно, — передернула плечами Танечка. — Пойдем от них, Лацерточка.

— Куда? — пропыхтела Ящерка, вытягивая ногу из очередной дыры меж камнями.

— Ну, в эти самые Воротца... Ой, то есть,

Врата.

Ящерка не возразила, поняв, что, видимо, все самые интересные здешние места предваряются узкими неудобными входами, и на четвереньках влезла в дыру между скалами.

Зрелище ей открылось совершенно поразительное. Воротца-Врата вели в бухту — небольшую, словно озеро, зато практически закрытую от остального Океанища — она имела форму незамкнутой окружности. Поскольку со всех сторон стояли высоченные голубые скалы, какие-то рубленные, будто сложенные из больших кубиков, в бухте было по большей части тенисто, однако даже тень не объясняла того странного вида, который имела вода. А вода здесь была не фиолетовая, а разноцветная, как мозаика — в ней колыхались, складываясь в странные текущие узоры, пятна красного, ярко-оранжевого, изумрудно-зеленого и желтого цветов, причем красного было больше всего.

— Ого! — прошептала Ящерка. Колька, прищурившись, взглянул на воду и тоже сказал:

— Ого! Уже полвторого!

— Да не, Коль, — заспорила Танечка. — Ты не умеешь определять. Сейчас же дневной день! Значит, только час.

— Ты сама не умеешь определять! Полвторого или даже больше!

— Это что? — в восторге спросила Ящерка.

— Бухта-часы! — тут же объяснил Рюшка.

— Да я про узоры на воде!

— Ага, я тоже.

— Это такие микроскопические водоросли в воде плавают, — объяснил Глеб, ероша свой светлый ежик. — Понимаешь, в зависимости от того, как падает на них свет и какая в воде температура, зацветает определенный их вид... Это Колька заметил. А потом мы ходили туда каждый день, и рисовали табличку.

— Не мы, а я, — проворчал Колька.

— А потом мы эту табличку учили, — протянула Танечка обиженным голосом. — Коля такой экзамен нам устроил... И я же вижу, что сейчас только час.

— Полвторого! Синий вообще исчез, а в час еще чуть-чуть остаются пятнышки.

— Ну ладно, ладно, — проворчала Танечка, пытаясь выжать одну из своих тощих рыжих косичек. — Тебя, Ящерка, мы тоже научим.

— Давайте!

— И меня тоже! — встрепенулся Рюшка.

— Да тебя уже учили, — удивился Глеб.

— А я уже все забыл и мне опять интересно!

Колька ничего не сказал, только, сморщившись, сдвинул в сторону свой острый нос.

Бухта-часы имела у самой воды нечто вроде

узких скалистых пляжей, где и расположилась вся компания. Колька, усевшись рядом с Ящеркой, занудным поучительным тоном излагал, в котором часу какого цвета становится вода. Ящерка слушала с напряженным вниманием, но скоро поняла, что запомнить это все с первого раза невозможно: да еще Танечка то и дело ловила ее взгляд и, выразительно закатывая глаза, делала вид, что засыпает от скуки, после чего хихикала, а Рюшка по десять раз переспрашивал любую мелочь. В результате под конец речи Кольку слушал, кажется, только он сам.

— Понятно, — поспешно сказал Ящерка, едва он замолчал. — Дашь мне эту самую табличку, я выучу... Здорово тут у вас!

— Да, только Заповедник совсем рядом, — ежась, протянула Танечка.

— Как это рядом?

— Ну да, недалеко, тут на лодке плыть всего ничего, — подтвердил Глеб, болтая ногой в ярко-красной воде, в которой Ящерка только сейчас разглядела мелкие частицы вроде крупинок нерастворившегося порошка — видимо, те самые водоросли. — Мы ведь уже почти ушли за границу Особнячьего. Когда открываются Медузьи острова, с них видно Заповедникову границу — пологий такой берег с густющим лесом, но там почти у самой воды — высоченный каменный забор.

— Ну, он сильно разрушенный, — как-то деловито возразил Колька. — Влезть туда — раз плюнуть.

— А вылезти оттуда?! — ужаснулась Ящерка.

— Ой, Ящерочка, даже не говори об этом! — зажмурилась Танечка.

— Ребят, просто я вам еще не рассказала, что я сегодня ночью видела через увеличитель на стекле. Кажется, лерсов! — и Ящерка торопливо поведала о том, что было ночью.

— Ага, я их тоже видел, — безмятежно заявил Колька и откинул назад лохматую голову. — По-моему, это их хождение кругами имеет какой-то смысл. Эх, поближе бы посмотреть! А все-таки странно, что они сюда не перелезают, таким-то зверюгам это — как нечего делать!

— Наверное, нас боятся, — изрек Рюшка важно.

— Конечно, мы такие страшные, — рассмеялся Колька и вдруг, резко вскочив, сказал:

— А давайте в подводные пряткосалки?

Все оживились, а Рюшка и вовсе заорал во весь голос «Давайте, давайте!». Через пять минут Ящерка узнала, что эту разновидность игры тоже, конечно же, придумал Колька. В начале нее и ведущий и игроки болтались в воде. Ведущий на небольшое время закрывал глаза, а остальные ныряли в мелкую воду. Теперь нужно было

доплыть до условленного места и застукалится об него, увернувшись от ведущего, который мог погнаться за тобой и осалить. Игра оказалась гораздо более нервной и шумной, чем думала Ящерка: вскоре вся Бухта-часы огласилась дикими и пронзительными воплями, источником которых частенько была и она сама. Танечка, если ее застукаливали, ныла, что так нечестно, Колька, если водил, орал, чтобы прятались быстрее, а то он заснет, Рюшка же стоял по колени в воде и, зажав нос пальцами, всю игру готовился нырнуть, насморочно крича: «Сейчас, еще чуть-чуть!».

...Игра пошла по пятнадцатому кругу. Вода Бухты-часов у берега приняла однородный коричневатый цвет. Колька, который был на этот раз ведущим, опять орал, Танечка снова визжала.

— Давай плыви к камню, я Кольку отвлеку! — прошептал, точнее, пробрызгал Ящерке вынырнувший Глеб.

— Ага, спаси-буль, — ответила Ящерка уже погружаясь. Нырнув, она привычно поплыла под водой, напряженно вглядываясь в коричневую муть. Мелькнули ноги Глеба, тощее голенастое тело Танечки, и вдруг совсем рядом показалось что-то громадное, толстое, белое и обтекаемое! Оно пронеслось как метеор вначале под, а потом и над Ящеркой, задев ее чем-то жестким и скребучим. Девочка от неожиданности чуть не хлебнула воды,

судорожно выдохнула остатки воздуха и вынырнула. Сев на плотную взбаламученную воду, она огляделась и обнаружила, что вся компания сгрудилась возле мокрого с головы до ног Рюшки. Тот ревел:

— Я нырну-у-уть хоте-е-ел!.. Я не па-а-адал в воду-у!

— Так чего же ты тогда орал как резанный?! — в сердцах спрашивал Глеб.

— А я для хра-а-абрости!

— А чего из воды выпрыгнул как ошпаренный? — усмехаясь, поинтересовался Колька.

— Да я не вы-ы-прыгнул! Меня кто-то как вы-ы-ыпихнет!

Все, обернувшись, дружно посмотрели на Ящерку.

— Очень мне надо! — сердито сказала она. — Знаю я, кто его пихнул. Я видела... Ой!

Вода между ней и столпившимися ближе к берегу остальными ребятами резко всколыхнулась, и на поверхность всплыло крупное живое существо. Длинной оно было не меньше двух с половиной метров и имело гладкую, белую и блестящую шкуру. Нижних лап не было видно под водой, толстое обтекаемое, как торпеда, туловище переходило в длинную гибкую шею с небольшой головой, которая показалась Ящерке похожей на

голову земной лошадки, как она была нарисована в энциклопедии. Вполне соответствовала этому образу и жесткая щетинистая гривка интенсивно-фиолетового цвета, которая шла от головы вдоль хребта животного, постепенно редая и укорачиваясь. Правда, слишком маленькие и круглые ушки, а также что-то вроде коротких усов на морде мешало полному сходству с лошадью. Вынырнув, животное разжало узкие вертикальные розовые ноздри, основательно отфыркалось и уставилось на Ящерку удлиненными ярко-голубыми глазами без белков, обрамленными почти невидимыми белыми ресницами. Ящерка стояла так близко, что могла эти ресницы пересчитать, но заниматься этим она не стала. Животное перегораживало ей путь на берег, обойти его было страшно, а поднырнуть под него — и того страшнее.

Животное тем временем открыло рот, как оказалось, наполненный большим количеством острых треугольных зубов и, глядя в упор, порадовало Ящерку гортанным воплем:

— Ал! Ал-ал, ал-ал-ал!

— Ой! Ой-ой! Ой-ой-ой, — ответила ему Ящерка.

— Ящерка, не бойся, я сейчас камнем в нее кину!.. — раздался панический крик Глеба.

— Каким камнем, а ну положи! — рывкнул на

него Колька. После этого Ящерка расслышала только жалобный писк Танечки «Коль, ты куда?!» и через две секунды Колька, проплыв кролем, уже оказался почти рядом с Ящеркой, перед самым носом животного. Оно с любопытством перевело на него глаза и снова заалалакало.

— Да все нормально, — ласково сказал вдруг Колька. — Это мы играем, играем, бесимся... — нараспев произнес он, помахивая рукой в такт своим словам. Животное лалакнуло, и теперь Ящерка четко различила вопросительную интонацию.

— Играем, играем, спасти нас всех не нужно, — пел Колька фальшивым, но ласковым голосом. — Рюшка вон он, на берегу ревет. А нам туда тоже надо, ждут нас там, — он показал вытянутой рукой в сторону разинувшей рот компании.

— Ага, мы живем на суше, — подхватив его интонацию, тоже запела Ящерка, также от напряжения фальшивя: — В воде мы быть не можем... — Она тоже показала на берег, и животное с большим вниманием уставилось туда, повернув свою лошадиную головку.

— Ух ты, какая умная зверюга, — одобрил Колька.

— А чего она нас не выпускает, раз умная? — поинтересовалась Ящерка. Животное продолжало

вертеть головой, глядя то на них, то на берег, но не двигалось с места, болтаясь на воде и гребя короткими ластообразными передними лапами. Колька замолчал. Ящерка тоже ничего не сказала. Компания на берегу и подавно лишилась дара речи. Колька ждал. Ящерка ждала. Животное ждало. Все трое не двигались с места.

— Тьфу, — наконец сказал Колька, и решительно схватил Ящерку за руку. — Да долго тут торчать?! Пошли что ли?

Он быстро протащил девочку мимо носа животного, которое спокойно проводило их глазами и даже не отодвинулось, и через минуту они уже как ошпаренные выскочили на берег.

Первым делом Ящерка, обернувшись, посмотрела на оставленное животное. Оно еще раз лалакнуло, теперь скорее удовлетворенно, чем вопросительно, фыркнуло, прижало уши, сжало ноздри и медленным красивым нырком ушло под воду. На секунду все имели возможность лицезреть короткие и тоже ластообразные нижние лапы, а также тонкий хвост с пучком длинной фиолетовой шерсти на конце. Потом вода, громко булькнув, сошлась на месте унырнувшего животного, поколыхалась и успокоилась, будто ничего и не было. Компания разом осела на землю.

— Ох, — выдохнула Танечка, прижимая руку к груди с правой стороны. — У меня прям сердце

болит!

— А у меня прям нога, — тут же сообщил Рюшка. — О камень ушиб.

— Это, наверное, я его уронил нечаянно, — покаялся Глеб. — Уф, ну и жуть...

— Да уж, здорово!.. — раздались одновременно еще два голоса, и принадлежали они Ящерке и Кольке.

Глава 8

Остальные уставились на них как на ненормальных. Ящерка недовольно взглянула на Кольку, а он мрачно посмотрел на нее, и оба хором выговорили:

— Ты чего повторяешь... Тьфу ты!

— Да ладно вам, — с облегчением рассмеялся Глеб. — Уплыло оно и ладно.

— Ящерка, страшно было? — пропищала Танечка, округлив глаза.

— Ну так, довольно-таки, — призналась Ящерка, с опаской поглядывая на Кольку. — Но зато интересно. Прямо-таки приключение. И потом, вроде оно было мирное.

— Они особо не агрессивные, — подтвердил Колька. — Я их тыщу раз видел.

— А как они называются?

— Бабушка моя их называет морскими

лошадками. А я им придумал название алаллы, потому что лалакают они.

— Здорово! — обрадовался Рюшка. — Давайте это в списке названий запишем!

— Да уж, давайте, — кисло протянула Танечка. — Только вот скажи, Коленька, как мы обратно-то пойдём? Может, они и мирные, а я вот их боюсь! Сейчас как залезем в воду, а эта лошадка как выплывет... — она вздрогнула и принялась нервно крутить одну из косичек.

— Ну и чего, нам до ночи тут теперь сидеть, что ли? — фыркнул Колька. — Пойдем, как обычно!

— Не пойду-у, я боюсь! — закричала на него Танечка.

— И я тоже! — добавил Рюшка скорее радостно, чем испуганно.

— Ладно, Коль, давайте посидим, успокоимся, и попозже пойдём, — сказал Глеб и первый уселся на камень. Остальные молча плюхнулись рядом и принялись выжимать волосы и натягивать одежду. Вынырнув из воротника футболки, Ящерка обнаружила, что Колька уже успел взобраться на торчащий из воды скалистый каменный куб и, приложив руку козырьком ко лбу, смотрит в сторону пролива, которым Бухта-часы соединялась с Океанищем. Почти тут же в шум разбивающихся волн вмешался какой-то посторонний гудящий звук

и в проливе показался большой бело-синий катер на воздушной подушке, плоский, как тарелка. На тарелке сидел лохматый, бородатый и загорелый дедушка в странной зеленой форме. При виде друг друга он и ребята взаимно оживились: компания завопила: «дедушка!», а дед крикнул «ребятки!».

— А кто это? — хихикнув, спросила Ящерка у Глеба.

— Да кто его знает, — отозвался тот безмятежно.

Катер, с шумом дую под себя, в туче бело-фиолетовых брызг, подошел совсем близко. Дед свесился с его края и прокричал, стараясь перекрыть гул и плеск:

— Ребятки!!! Вы что, тут где-то на Особнячий поднимаетесь??? Мне туда в магазин надо!!

— Здрасьте!!! — пронзительно заорал в ответ Колька. — Тут мы нигде не поднимаемся!! Это вам вон туда! Давайте мы с вами поедем и все вам покажем, а то нам все равно домой уже надо!!!

— Да я знаю, куда мне — я ж тут пятьдесят лет прожил; просто думал, вдруг новый ход проложили? Ну, все равно садитесь! Сейчас я машину опущу...

Дед заорудовал рычагами, катер немного присел, и первой на его борт с радостным визгом вскочила Танечка. Она подала руку Ящерке, Глеб подтолкнул Рюшку, Колька влез сам. Дед выровнял

зашатавшийся катер, поднял его повыше и направился к выходу из пролива. Теперь, когда они находились в непосредственной близости друг от друга, не нужно было так орать, и Ящерка вежливо спросила:

— Дедушка, ваш катер столько народу выдержит?

— Да что с ним будет! Конечно. Тебя как звать?

— Лацерта. А это Глебка, Колька, Танечка и Рюшка, — гордо представила всех Ящерка.

— А я Михаил Ильич. Можете меня звать дедом Мишей. Вы на Особнячем живете?

— Да, дед Миша, в Главном Особняке, — кокетливо подтвердила Танечка, пододвигаясь поближе. — А вы откуда?

— А я из Заповедника! — сообщил дед и, лихо крякнув, развернул катер в том направлении, куда показал Колька. — Я там смотрителем работаю, вот так, ребята.

Ребята уставились на него, поразевав рты. Колька спросил с живым любопытством:

— Вы что, один на весь Заповедник?

— Ну, в своем-то секторе конечно. А вы как думали?

— Мы никак не думали! — честно сказал Рюшка.

— А не страшно? — толкнув его в бок локтем,

спросила Танечка с восхищением.

— Если правила безопасности соблюдать, то чего ж боятся.

— А какие правила? — заинтересовалась Ящерка.

— Не выходить из дома без необходимости, а если вышел, не отходить от него, а если уж отошел, то обязательно с ружьем. Ну а уж если без ружья... Да, это хуже, конечно. Я бы вам много чего порассказал, — заметил дед Миша задумчиво.

— Ой, ой, не надо, я боюсь! — замахала руками Танечка и добавила: — А чего, например?

— Всего и не упомнишь. Я тут с самой молодости работаю, пятьдесят лет. Ну, любил, значит, экстрим, вот и устроился на такую работу. Тогда еще стены нормальные были, не порушенные. Ходишь внутри Заповедника вдоль этой стены, а на тебя зверюги смотрят — они тогда наглые были по-первости. Иду я, как сейчас помню, день после приезда где-то второй или третий. А может, месяц третий, а не день... А на меня, значит, из куста лерс смотрит! И язык вывесил на все тридцать сантиметров длины.

— А вы его ружьем! — подскочил Рюшка. Колька поморщился. Дед досадливо хлопнул рукой по пластиковому креслу, на котором сидел.

— Да нельзя его было ружьем! Нам запрещалось в них стрелять, даже усыпляющими! И

до сих пор, наверное, запрещается, потому что приказа-то никто не отменял. Хотя, по совести, припугнуть бы их там не мешало.

— И что же вы сделали? — заинтересовалась Ящерка.

— По инструкции. Из дымового ружья выстрелил, подождал, пока заволокло, и бежать.

— Очень интересно, — улыбаясь, сказал Глеб.

— Да вы герой, дедушка, — насмешливо хмыкнул Колька. Рюшка спросил:

— А еще чего-нибудь расскажете?

Просьба его немного запоздала, так как дед Миша уже успел начать очередной рассказ. Все внимательно прослушали, как он в разные моменты своей жизни повстречался с гнездующей птицей-улыбкой, хоссом — чем-то вроде большой пушистой змеи, которая то ползала, то бегала на своих десяти коротких лапках, жутким живым деревом Куш-куш и даже с Моном. Ящерка вначале внимала деду с интересом, но потом эти рассказы ей несколько наскучили — начинались они всегда со слов «Иду я вдоль стены и вижу...», а заканчивались фразой «Тут я из ружья дымового выстрелил, подождал, пока заволочет и бежать!».

— Ну вот и приехали, — сказал, наконец, Глеб. — Ваш катер, дед Миша, по ступеням поднимется?

— Да нет, где ему, машина старая. Я, конечно,

тоже не молод, но я-то сам поднимусь, — дед лихо выскочил на Скользкий уступ и принялся швартовать катер. Компания тоже вылезла и встала рядом с ним.

— Дед Миша, а вы вглубь Заповедника никогда не ходили? — вдруг спросил Колька.

— Конечно нет, потому я с тобой сейчас и разговариваю. Да и инструкциями запрещено.

— Ну и что, что инструкциями, кто вас проверит...

Дед внимательно посмотрел на них.

— Значит так, ребята. Животных ловить мне запрещено, а тех, которые моего вида, и которые в Заповедник без спросу лезут, разрешено. Давно хотел свой магнитный аркан испробовать. И перцовое ружьишко тоже.

— Да что вы, Колька просто так сказал, — заверил старика Глеб. — Конечно, мы туда не сунемся. Пошли, ребят. До свиданья, дед Миша.

Он повернулся и полез на следующую ступень. Ящерка, хихикая, двинулась за ним. Остальные тоже. Смотритель погрозил им вслед пальцем.

Обедать решили в штабе, где был довольно порядочный запас еды и воды. Колька, то ли в знак своей благосклонности, то ли принятия в компанию, назначил Ящерку осветителем — стоя на четвереньках, она одной рукой держала

аквариум с исправно светящейся медузой Машей, похожей на шар из белых ниток, пока остальные вползали внутрь и рассаживались на надувных матрасах. Танечка вынула из ящика с едой саморазогревающийся суп в пакетиках, бутылку воды и здоровенную спелую чернику и выложила это все на стол. Рюшка заорал «Я не хочу есть» и полез на смотровую площадку по лесенке.

— Да куда ты опять?! — попытался ухватить его за ногу Глеб.

— Плюнь ты, пусть идет, куда хочет, — махнул рукой Колька. — А то что получается: мы все гуляем без родителей, нам все можно, а ему ничего нельзя, будто и из дома не выходил.

— А ноги не переломает? — забеспокоилась Ящерка.

— Внизу же матрас.

— Ну ладно, — успокоилась девочка, с облегчением ставя медузу Машу посреди стола. — Забавный этот дед Миша, да?

— Мда-а, — жеманно протянула Танечка. — Какая у него работа — с ума сойти! Я бы вот...

— Со страху померла, — раздраженно закончил Колька. — Конечно. А по-моему, с ума сойти можно от того, что он пятьдесят лет ходит вдоль стены! И НИ РАЗУ не зашел поглубже в Заповедник!

— Ну так там же ужасно опасно, — заметила

Ящерка, вытряхивая из волос превратившиеся в сухой порошок красные водоросли.

— Ага, опасно. Ну, побоишься ты год, ну два, ну даже десять. Но ты бы могла за пятьдесят лет ни разу никуда не влезть?

Ящерка подумала и честно сказала:

— Неа. Но это, может, потому, что мы еще не взрослые?

— Тогда надо быстрее чего-нибудь делать, пока не выросли, — неожиданно срежумировал Колька. — Танька, запиши в тетрадку названий, что морская лошадка у нас — Алалла. Глебка, ты медуз посмотрел?

— Посмотрел. Гаснут.

— Значит, завтра на Медузьи острова пойдем. Если, конечно, прилив не успеет начаться.

— Он разве не в одно и то же время начинается? — удивилась Ящерка.

— Нет, конечно. И Сириус на него влияет, и Селена с этой, как ее... Миленой. Иногда обалдеть насколько раньше начинается, а иногда задерживается.

— Ой.

— Ты чего, боишься, что ли?

— Еще чего, вовсе нет! — обиделась Ящерка. К ее удивлению, Колька не огрызнулся в ответ, а сказал почти примирительным тоном:

— Ладно, чего разоралась, горло надорвешь.

Давайте поедим, погуляем и по домам, а то за медузами рано вставать надо будет, пока еще хоть чего-то видно.

Глава 9

— Баб Света, а позовите Ящерку. Мы за медузами пойдем.

— Фу, Танька, опять ты в такую рань притаскиваешься! Вон она, твоя Ящерка, вся красная, как помидор, и шкура с нее лезет, как с апельсина...

Вошедшая Танечка раскрыла глазки и с опасливым сочувствием воззрилась на бордовое Ящеркино лицо.

— Вот видишь, что бывает, если часами торчать под Звездицей, — наставительно сказала сестре Эльза, расправляя складки на белом коротком платье. — Я тебя предупреждала, но ты же никогда у нас не слушаешь старших...

— В меня пошла! — умилилась баба Света, вынырнув из огромных наушников, по которым она наслаждалась песнями Лени Чубукова.

— Ну, бабушка, — тревожно заныла Ящерка, — Ну я пооблезаю и перестану, а сейчас уже и света-то никакого нет — Сириус зайдет уже скоро...

— Че зайдет?

— Это они какое-то свое дурацкое название для Звездищи придумали, — пояснила Эльза с усмешкой. — Ты бы, Лацерта, лучше крем от загара купила и расчесалась хоть раз, чем всякой чепухой заниматься.

— Сама ты чепуха! — выпалила Ящерка. — Где я тут куплю крем?

Эльза закатила глаза.

— Ну вот как с ней разговаривать! Она тут уже столько времени и не знает, где магазин!

— А я ей покажу, — поспешно вмешалась Танечка. — Мы все купим, только отпустите ее, баба Света, ладненько?..

— Я ее не пускаю, что ли? Пусть делает, что хочет — терпеть не могу маменькиных дочек! Вторая вон тоже уходит, мне и готовить не надо, я к соседке пойду поем. Да и еще прошвырнусь кое-где, так что возвращайся попозже, — обратилась баба Света к Ящерке.

Девочка с готовностью вскочила, одернув шорты, быстро показала язык Эльзе и проскочила в дверь, догоняя Танечку.

Вечерний день на Особнячьем вовсе не выглядел таким унылым и неприятным, как в Сельхоззоне — горел золотисто-бордовый закат, небо над Океанищем уже стало дымчато-синим, с перистыми розовыми облаками. Рядом с Особняком и вдоль аллеи зажглись круглые фонари. Некоторые

из них были музыкальными, и, начав светиться, заиграли песни Лары Комельковой разных лет. Под фонарями немедленно обосновались непонятно откуда взявшиеся влюбленные парочки: они угощали друг друга плодами с розовых кустов и ягодами дынного дерева и одаривали гроздьями оранжевых цветов только что зацветшей моркови. Вообще, людей вдруг стало чрезвычайно много: кругом стоял гул и то и дело звучали взаимные приветствия. На резных скамьях возле Особняка и на бортиках бассейна по всему его периметру плотно сидели многочисленные бабушки и дедушки. Те дедушки, что у бассейна, все как один, рыбачили: слышно было, как они ругаются, сцепляясь крючками.

— Ух ты, это что сегодня делается? — вполголоса спросила Ящерка.

— Ничего, у нас просто в основном все выходят гулять только вечерним днем, — Танечка тревожно оглянулась и зашептала: — Ой, Лацерточка, а вон там сидит моя бабушка, и мама тоже. Пойдем лучше за куст, а то они меня еще заметят и на огород пошлют!

Ящерка увидела худую старуху в очках и такую же очкастую полную женщину с короткой стрижкой, которые показались ей людьми простыми и добродушными. Обе они были облачены в черные обвисшие штаны и белые

футболки в синих пятнах.

— Черничные деревья обирают... — плаксиво поделилась Танечка. — Каторга! ...Ой, это Глебкины мама и дед, нам навстречу идут, а это с ними мама Рюшки. Ой, убежать поздно... Здравствуйте, тетя Валерия и дядя Вова, здравствуйте, тетя Катя! — запищала она восторженно, обращаясь уже к подходящим женщинам и старику.

— Здрасьте, — сказала и Ящерка.

— Ох, здравствуйте, — как-то всполошенно заговорила мама Рюшки, женщина в большой шляпе, из-под которой виднелись тревожно помаргивающие глаза. — Танечка, а где же Андрюша? Я думала, он с вами! Где же он?! А вдруг он один пошел к воде и...

— Да он с Колькой и Глебкой, тетя Катя, — поспешно прервала ее Танечка. — А мы с Ящеркой тоже к ним идем. Ящерка у нас новая подружка.

— Подружка? Очень хорошо. Я как-то не доверяю мальчикам, они что маленькие, что большие, такие шалуны — не успеешь оглянуться, как уже на дерево залезут или на крышу взберутся и упадут оттуда. Или купаться пойдут без разрешения, и их волной захлестнет. Или...

— Ну, Екатерина, это ты зря: Глебу можно доверять совершенно, он ответственный мальчик, — глубоким голосом вмешалась

величественная мать Глебки.

— Верно! — кивнул старик, тоже величественный и крючконосый. — Можете не беспокоиться, Екатерина Алексеевна... Девочки, будьте так любезны, передайте Глебу, что ему оказано доверие, так что он должен следить за ребенком со всем вниманием.

— Обязательно! Конечно! — хором сказали девочки, синхронно пятясь к кустам и с хрустом ныряя в них.

— Уф, ну и ну, — только и сказала Ящерка на бегу. — Надеюсь, на нашем месте хоть никого не будет. То есть лишнего.

Опасения ее, к счастью, не оправдались: Глебка, Колька и Рюшка спокойно сидели на корточках в тупичке возле золотой ограды. На ограде горел и, фальшивя, пел слабым голосом Лары Комельковой единственный круглый и прозрачный розовый фонарь — остальные были разбиты. «Ты моя любовь, я всегда с тобой», — как заведенное, повторяло средство освещения. Рюшка в такт укачивал на коленях аквариум с тускло светящейся медузой — вторую медузу держал Глеб.

— Привет, мальчишки! — игриво произнесла Танечка. — Извините, что опоздали. Мы встретили твою маму, Глебчик, и она сказала, что ты должен следить за Рюшкой, потому что она тебе доверяет.

— Ну, так я и без этого... — начал Глеб, но

его перебил фонарь, заоравший свое «ты моя любовь» на повышенных тонах. Переждав его вопли, Глеб закончил:

— ...И без этого за ним слежу. А вот за тобой, Ящерка, никто не следит, наверное — ты же вся сгорела.

— Ну и что? — покосился на Ящерку Колька. — У меня в триста раз хуже было, когда первый раз сюда приехал. Быстрее облезешь, быстрее привыкнешь.

«Ты моя любовь, ты моя любовь», — согласился фонарь. Колька, задумчиво прищурившись, взглянул на него и пробормотал сквозь зубы:

— И этот разбить, что ли?..

— У нас же времени нет, — быстро сказала Ящерка, которой стало жалко несчастный светильник. — Скоро стемнеет уже, а я еще не приспособилась по темноте лазать. Может, пойдете?

— Ага, Ящерка, пошли! — Рюшка с готовностью вскочил, взболтнув медузу и расплескав половину воды из аквариума. — Гле-еб, можно я первым пойду? У меня медуза Олег, он ярче всех светит!

— Ладно уж, иди, — согласился Глеб. — А я тебя за шиворот буду держать, чтобы не потеряться...

Компания перелезла через забор и для начала отправилась в штаб за едой и надувными матрасами — Колька радушно выделил Ящерке один из них, флуоресцентного желтого цвета.

— А куда мы на них поплывем? — с любопытством ощупывая узкий матрас, поинтересовалась Ящерка.

— От Бухты-часов до Первого Медузьего острова, — бросил Колька.

— А если волны будут?

— А когда их нет? Давай не отставай, ты же не Рюшка.

Дальше они как всегда спустились вниз и пошли по Скользкому уступу. В этот раз Ящерка скользила уже совсем легко и даже почти не смотрела под ноги. Впрочем, под этими ногами можно было разглядеть все меньше — когда компания добралась до Бухты-часов, уже начались сумерки, вода стала почти непрозрачной, как густые фиолетовые чернила. Ящерка заморгала, пытаясь разглядеть горизонт, но и он тоже почти пропал — небо слилось со стоящим над водой туманом. Стены бухты теперь казались вообще черными, и какого цвета плавающие в воде водоросли, разобрать было нельзя. Поэтому Ящерка несколько удивилась, услышав решительную команду Кольки:

— Ну давайте, ложитесь на матрасы и

поплыли.

— Куда? — резонно спросила она. — Ничего же не видно.

— Да, Коленька, если мы заблудимся в тумане, ты будешь отвечать, — не преминула вставить Танечка, однако быстро укладываясь на свой красный матрас. Колька только фыркнул, и разъяснение внес как всегда добрый Глеб:

— Мы, Ящерка, не заблудимся. Медузы острова видно по свету от медуз. А обратно когда поплывем, еще будут остатки заката, мы же не задержимся надолго.

— Ну да, если опять морскую лошадку не встретим, — вдруг добавил Рюшка.

— Лошадки не выходят ни вечерним, ни ночным днем, — нетерпеливо сказал Колька. — Точно вам говорю. Все, поплыли.

Он, лежа на животе и ловко подгребая руками, развернул свой матрас и поплыл к выходу из Бухты-часов. Ящерка, вспомнив про самолюбие, решила не пугаться раньше времени и устремилась за ним. Остальные потянулись следом.

Когда они вышли из Бухты-часов, стало несколько светлее, однако сразу стали чувствоваться волны: матрасы скатывались по ним, как по гладким горкам, и ухали вниз так, что сердце у Ящерки уходило в пятки. Волнение это было, пожалуй, самым сильным из тех, что она повидала

за время пребывания на Особнячьем, но волны по-прежнему обходились без гребней, хоть и были почти с Глебку высотой, если считать от водной глади. Единственным утешением было то, что впереди действительно сразу же показалось широкое блестящее пятно, будто кто-то налил в воду светящуюся голубую краску. Пятно находилось, кажется, не так и далеко, и чтобы приблизиться к нему, Ящерка изо всех сил заработала руками, чуть не обогнав самого Кольку.

У остальных плавание, кажется, тоже проходило вполне успешно: Танечка обещала обогнать Глеба и жаловалась, что у нее намокла одна косичка из двух, Рюшка некоторое время плыл тихо, а потом заревел на весь океан — выяснилось, что он упустил медузу Олега.

— Ну и ладно, он доплывет куда ему надо, — уговаривал его Глеб.

— А я са-а-ам хотел его отпусти-и-ить!..

Наконец Ящерка совершила уставшими руками последний гребок и пересекла светящуюся границу пятна. Тут же глаза ее вытаращились сами собой: глядя вниз, она видела сквозь подсвеченную воду все до самого дна, которое оказалось довольно далеко. Между удивительными спирально закрученными то ли камнями, то ли раковинами гигантских моллюсков колыхались бахромчатые красные и белые растения, среди них сновали

мелкие и крупные разноцветные рыбки с гребнями, хвостами-веерами и даже маленькими лапками, которыми они ловко подносили ко рту листики, по самому дну неторопливо ползало что-то громадное, черное, панцирное и очень-очень-очень многоногое, и все это освещали колышущиеся повсюду медузы разных размеров, форм и цветов.

Ящерка вытянула шею, чуть не уткнувшись носом в воду, и подняла голову только тогда, когда ее матрас уперся во что-то твердое. Это оказалась скала, обросшая ракушками и водорослями, но сейчас, в момент отлива, частично торчащая над водой.

— Эй, чего замечталась? Приехали! — окликнул ее Колька. — Давай залезай. Это Первый Медузий остров, вон там Второй и Третий, а вон видно ограду Заповедника...

Девочка неохотно оторвала взгляд от воды и посмотрела туда, куда показывал Колька. В первый момент она не увидела ничего — в глазах плавали блестящие пятна после ярких медуз, но постепенно разглядела еще два небольших хребта, торчащих из воды и окруженных призрачно светящимися пятнами. И не на таком уж большом расстоянии от третьего Медузьего Острова действительно виднелся высокий холмистый берег, судя по его темному цвету, поросший синей травой. На ее фоне довольно четко выделялась высокая белая стена с

нарисованными на ней светящейся краской огромными надписями «Заповедник. 57 квадрат» и «Осторожно, животные!». Ящерка поежилась — ей сразу вспомнились жуткие пляски лерсов. Хорошо еще, что их от Заповедника отделяет вода... Интересно, лерсы умеют плавать? Колька наверняка это знал, но спрашивать у него, выставляя себя трусихой, ей не хотелось, и она решительно отвернулась от Заповедника, заодно помогая Танечке вытащить на скалу матрас.

— Ну что, выпускаем? — спросил Глеб у Кольки, имея в виду оставшуюся медузу. Тот кивнул, взял у него аквариум и неожиданно громко и торжественно сказал своим резким голосом:

— Спасибо тебе за то, что ты работала у нас светильником, а сейчас, через две недели, как мы и обещали, мы тебя отпускаем.

— Плыви! — хором крикнули остальные, и Колька с силой выплеснул воду, а вместе с ней и медузу. Видно было, как она оживленно распрямила щупальца и направилась куда-то в гущу своих сородичей.

— Здорово, да? — прошептала Танечка на ухо Ящерке. — Так торжественно! Это Колька придумал. Мы каждый раз выпускаем так всех медуз, каких Рюшка не упускает...

— Танька, ты сачки взяла? — пронзительно прозвучал голос расхваливаемого Кольки. — Ловим

каждый по медузе, потом двух лучших выберем, остальных отпустим.

Танечка тут же отвязала от своего матраса пять сачков и раздала всем. После этого компания, кто лежа на матрасах, кто свесив ноги со скалы, погрузилась в ловлю медуз. Ящерка не дыша висела над самой глубиной и прицеливалась к большой красивой медузе, похожей на радужную юбку с несколькими оборками. Она старалась как можно привлекательнее колыхать сачком — вдруг медуза примет его за сородича? Медуза неторопливо подплыла поближе. Ящерка еще раз пошевелила сачком. Медуза пододвинулась к нему почти вплотную, подобрала щупальца и вдруг буквально нырнула в сачок!

Ящерка вытащила ее, тихо визжа от радости, и поплыла к острову, где в аквариумах уже колыхались наловленные остальными медузы.

— Представляешь, Коль, — впервые обратилась она к Кольке лично. — Медуза прямо сама ко мне подплыла!

— Ну так понятно, — кивнул он без удивления. — Они же с нами давно имеют дело — знают, что мы их ненадолго заберем и будем хорошо кормить, а потом отпустим. Первое время они, конечно, врассыпную, а теперь сами на сачок кидаются...

— Они что, между собой разговаривают?

Медузы же вроде глупые, у них мозгов нет?

— Да кто их знает. Это же не земные медузы. Вон у Рюшки мозги есть, а он опять вместо медузы мне хапалку поймал, — Колька кивнул на аквариум, где плавала синяя блестящая рыба с лапками, панически ощупывая растопыренными пальцами стеклянные стенки. — Она, конечно, тоже светится, но жрет как прорва, и все стенки захапывает — лапки у нее липкие... — он ловко схватил хапалку за большой круглый гребень и кинул ее в воду, где она исчезла с приглушенным воплем. — Это вообще не совсем рыба, она немного на земную лягушку похожа — видела картинку в энциклопедии? Ну, в общем, здесь свои виды водятся.

Когда все собрались, состоялось голосование путем поднятия рук, каких двух медуз из четырех оставить. К Ящеркиному восторгу, оставили круглую синюю медузу, пойманную Глебом, которая давала много света, и пойманную ей медузу-радугу — все посчитали ее очень красивой.

— Ну вот, теперь можно и обратно, — протянула Танечка. — А то мы и так задержались уже слишком...Ой!

Ящерка, Глеб и даже Колька сказали то же самое, а Рюшка, тот вообще заревел — огромная водяная гора прокатилась над островом, чуть не смыв детей. Глеб крепко прижал к себе аквариумы

с медузами, остальные бросились ловить уплывающие матрасы. Ящерка поймала свой и Танечкин и хотела было с облегчением вздохнуть, но следующая волна чуть не накрыла ее с головой. Девочка поспешно извернулась, села сначала на воду, потом на матрас и отыскивала глазами остальных — все были в наличии.

— Беремся за руки, иначе нас растащит! — деловито крикнул Колька, сидевший на одном матрасе вместе с Рюшкой, и не глядя протянул руку в сторону Ящерки. Ящерка, дрожа, быстро вцепилась в него и потом подтащила к себе Танечку; над островом молча прокатилась очередная могучая волна и с отдаленным грохотом разбилась где-то в темноте, где был берег.

— Я брошу одну медузу, а то у меня руки заняты, — быстро проговорил Глеб.

— Ты что, дурак? — завопил Колька. — Что нам еще свет даст? Остальные же медузы разбрелись! Давай мне одну, только осторожно... Он подхватил переданную ему радужную медузу и вручил ее перепуганному Рюшке. Теперь, собравшись в неровный круг, дети могли видеть бледные лица друг друга. Волны все накатывали, и все в такой же ужасной тишине.

— Это что, буря? — наконец, спросила Ящерка просто чтобы не молчать.

— Но ветра-то нет, — заметил Глеб.

— Может быть, он сейчас задует... — протянула Танечка почему-то с надеждой.

— Какая буря! — рявкнул Колька. — Волны того же размера, вода поднимается. Это начался прилив!

Глава 10

— Мамочка... — заскулила Танечка, выкручивая Ящеркину руку. — Почему же так рано... Нужно скорее плыть домой!

— Вначале нам нужно доплыть до Бухты, — сказал Глеб.

— Ну да, а когда мы до нее доплывем, то вода уже поднимется настолько, что закроет Каменистые Ворота... Скалистые Врата, — добавил Колька. — И нам придется опять вылезать из Бухты и плыть в обход, то есть в обплыв, а это удлиняет путь раза в два. И пока мы подплывем, неизвестно что с нами за это время случится.

— Ма-а-ама, — заревел Рюшка.

— Значит, нам придется плыть к Заповеднику? — догадалась Ящерка и сама ужаснулась тому, что сказала. Но Колька подтверждающе кивнул.

— Да, все-таки там твердая земля, и если мы взберемся на холм и устроимся у самой стены, нас не зальет. Тут плыть всего ничего, а на надписи

будем ориентироваться.

— Кажется, на знак «Осторожно животные» стоит ориентироваться как-то по-другому, — пробормотал Глеб.

— Если дед Миша пятьдесят лет в самом Заповеднике проскрипел, мы что, у его стены полтора дня не протянем? — сердито закричал Колька. — Лучше поплыли быстрее, а то как шандарахнет матрасом о скалы! Рюшкин вон уже сдулся. Поплыли!

— А как? — пискнула Танечка.

— Выстраиваемся в линейку и гребем ногами? — догадалась Ящерка.

— Правильно! — поддержал ее уже обретший решительность Глеб. — Поплыли быстрее, вон, на те светящиеся надписи!

Ящерка яростно заколотила ногами по воде, пытаясь одновременно удержать руки Танечки и Кольки и выскальзывающий матрас. Берег Заповедника то исчезал из виду, когда они ныряли в ложбину между двумя очередными волнами, то опять показывался на фоне уже почти ночного неба, однако при этом исправно и довольно быстро приближался. Вскоре волны явно стали меньше — кажется, сам берег, представляющий собой мыс, работал волнорезом.

— Давайте, давайте! — командовал Глеб. — Ждем волну, а потом одновременно гребем! Вот

так!

Волна зашипела, и вдруг Ящеркин матрас перестал двигаться. Их выбросило на берег. Ящерка тут же вскочила и вместе с матрасом побежала вверх по холму подальше от прибоя. Остальные поступили точно также, и теперь все дружно и поспешно карабкались наверх, освещая путь медузами — Колька чуть не волоком тащил бедного Рюшку, но тот держал аквариум мертвой хваткой.

— Я не могу! — задыхаясь, пискнула Танечка. — В боку колет!

— А ты смоги! — сердито посоветовал Колька. — Или не понимаешь, что такое прилив? Видишь, с какой он на этот раз идет скоростью? Нужно сразу на самый верх.

— Это ты нас сюда потащил!

— Ну, утони мне в отместку. Ты что, сто метров вверх пройти не можешь? Вон Ящерка и то не гундит!

Ящерка не гундела потому, что ей не хватало дыхания для разговора, но после этих слов ей ничего не оставалось, как молча карабкаться наверх.

Когда уже и Колька не мог издать ничего, кроме пыхтения, они, наконец, оказались у подножья стены и не сговариваясь плюхнулись на жесткую траву. Стена оказалась сложенной из

искусственного белого камня. Высота ее была около трех метров, но кое-где и ниже, так как часть камней осыпалась. Прямо над стеной нависали кроны огромных деревьев, в которых что-то стрекотало и поухивало — Ящерка очень понадеялась, что насекомые. Внизу шмякал Океанище, а так, в общем, было тихо и даже, по сравнению с тем, что творилось с ними недавно, спокойно.

— Уф, — после нескольких минут молчания подала голос Танечка и, прислонившись к стене, приняла сидячее положение. — У меня платье насквозь промокло — я его к матрасу привязала... И где же его теперь сушить?

— Повесь на стену, вон камень выпирает, она еще теплая, — посоветовал Глеб. — Сириус теперь когда еще взойдет...

— Ладно. А когда мы теперь домой попадем? А, Коль? — повторила она тревожно, так как все молчали. Колька неохотно приподнял голову.

— Когда отлив будет, тогда и попадем. Самое раннее утром утреннего дня.

— Значит, нам тут придется сидеть...

— Полтора дня — конец вечернего и ночной. Я ведь уже это говорил.

Ящерку пробрала дрожь. Она подумала, что даже баба Света, с ее либеральным подходом к воспитанию детей, не может за такое время не

забить тревогу. Что же касается родителей остальных... Видимо, Танечка думала о том же, потому что она издала пронзительный вопль, неприятно прозвучавший в обложенной тьмой тишине:

— Да ты что?! А где мы будем спать? А что мы будем есть и пить?! Да мы же все мокрые, а ведь ночным днем будет только холоднее — мы простудимся! А мама с бабушкой меня убьют!

— Ты так орешь, будто у одной тебя мама с бабушкой, — Колька повернулся на бок и подпер голову рукой. — Еда у нас есть — то, что мы взяли из штаба. Вместо питья есть черничина, если она не совсем смялась, и мы, пока вас ждали, нарвали полные карманы арбузов. Я думаю, что-нибудь да не высыпалось. Родители и так все время орут не по делу, так пусть у них хоть повод появится. Поделать-то мы ничего не можем, так что давайте лучше обустроиваться.

— Да, правда, давайте, — поддержал его Глеб. — На чьем матрасе была еда?

— На мое-о-ом, — проныл Рюшка. — А он утоп. Зато я спас три бутерброда!

— Молодец, — машинально похвалил Глеб и осекся, поглядев, как Рюшка старательно выгружает на траву из карманов какую-то вязкую кашу.

— Только они размокли, — добавил он.

Колька молча привстал и достал из своих карманов штук двадцать полураздавленных арбузиков. У Глеба их оказалось примерно столько же. У Танечки нашлись четыре леденца в герметичной полиэтиленовой упаковке, а Ящерка высыпала на землю несколько розовых плодов, и все в молчании усталились на жалкую кучку.

— Этого мало, — решительно сказал Глеб. — Еще если бы один человек был, а нас пятеро...

— Человек без еды вроде месяц может прожить, — припомнила Ящерка.

— То человек, а то Рюшка. Сколько у нас останется сил, когда нужно будет плыть обратно?

— Ну и что ты тут нас стращаешь?! — плаксиво закричала Танечка. — Делать-то что?

— Давайте думать вместе.

— Я думаю, что надо было сразу утопиться, — буркнула Танечка и принялась грызть кончик косички.

— А может, пройдемся вдоль стены — вон сколько деревьев через нее перевешиваются, вдруг есть съедобные плоды? — предложила Ящерка.

— Как мы определим, что они съедобные? — возразил Глеб. — Мы же не знаем местных плодовых деревьев.

— Ну, тогда я тоже не знаю, — вздохнула Ящерка. — Коль, а ты чего молчишь?

Колька опять улегся на землю и закинул руки

за голову. Глядя в темно-синее небо с первыми блеклыми звездами, он спокойно сказал:

— Вообще, неплохая мысль насчет плодов. Я знаю некоторые здешние деревья. Давайте так: кто-нибудь из нас будет обустраиваться на ночь — можно сложить заборчик из упавших камней возле стены, чтобы ночью нас всех не продуло, положить туда матрасы и поставить одну медузу. А я и еще кто-нибудь с другой медузой отправимся искать плоды.

— Нет уж, я лучше буду обустраиваться, — решительно сказала Танечка.

— Значит, я буду тебе помогать, — заключил Глеб — Колька-то уходит. — А ты, Ящерка?

— А я, значит, с Колькой пойду.

— И я чур тоже с вами! — закричал Рюшка.

— Ладно, пошли, — согласился Колька. Быстро поднявшись, он взял радужную Ящеркину медузу и зашагал вперед. Ящерка с Рюшкой поспешили за ним.

Шли они по направлению от Океанища. Стена здесь была еще более разрушенной, чем на конце мыса — то и дело в ней попадались дырки вроде бойниц или отсутствовали несколько верхних рядов камней. Некоторые деревья, растущие за стеной, свешивались по другую сторону, доставая практически до земли, а одно дерево вообще вросло в почву, образовав неровную арку. Колька, Ящерка

и Рюшка отошли не так уж и далеко, когда над стеной показалось высокое дерево со свисающими вниз тонкими, как волосы, ветками, на которых виднелись мелкие ягоды. Увидев дерево, Колька остановился и сказал:

— Ну! Во. Эти точно можно есть. Они довольно безвкусные, зато сладкие и сочные.

— А как мы их нарвем? — спросила Ящерка, задирая голову. — Отсюда не достанем.

— На стену взберемся — видишь, как она тут удобно осыпалась? Ты держи медузу, а я буду рвать.

— А мне что делать? — возник Рюшка.

— А ты не мешайся. Хотя можешь тоже рвать, — бросил Колька и деловито принялся взбираться на стену. Ящерка скрепя сердце полезла следом, Рюшка тоже, и через минуту все трое уже стояли на довольно широком верхе стены. Теперь по одну сторону от них виднелся Океанище, а по другую — Заповедник: выглядел он как странный очень густой лес. Ящерка подняла аквариум с медузой повыше, стараясь не глядеть в непонятную темноту за стволами деревьев, Колька принялся рвать ягоды, Рюшка вначале помогал ему, но быстро устал и начал бродить по стене туда-сюда.

Заповедник, несмотря на темноту, явно не спал: стрекотание и перещелкивание в листве усиливалось, иногда к нему добавлялось резкое

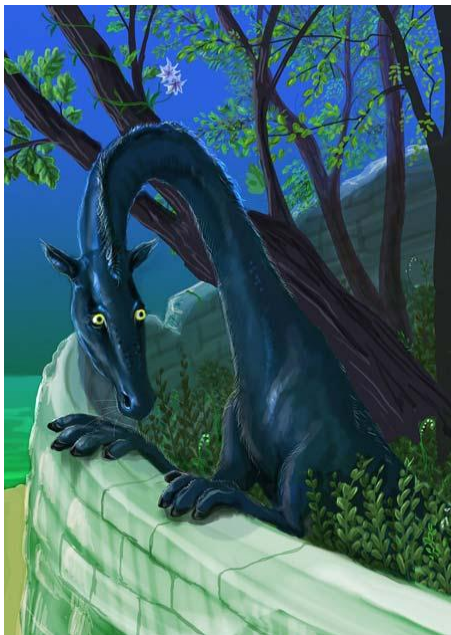
краканье и звучал вдалеке унылый вой. А тут еще, к тому же, что-то сильно захрустело в кустах совсем рядом с ними!

— Коль, может хватит уже, давай слезать, — торопливо сказала Ящерка, кидая встревоженные взгляды во тьму Заповедника. — Там кто-то топает. Рюш, иди сюда.

Рюшка, сидевший на стене, с готовностью встал и сделал шаг к Ящерке и Кольке. В этот момент кусты за стеной затрещали, раздвигаясь, и из-под сени высокого мохнатого дерева, пригнувшись, вынырнуло огромное животное. Оказавшись возле стены, оно выпрямилось, и его большая морда на длинной мощной шее поднялась немного выше голов детей. Ящерка, как ни была напугана, подумала, что этот зверь чем-то напоминает земного жирафа — а, точнее, ростом и общим строением тела, только шея у него была помощнее, голова побольше, рожки отсутствовали, ушки были маленькими, а конец морды расширился и был до того круглым, что казалось, будто на нос животному надели шар. Фосфоресцирующая радужка больших глаз светилась тускло-желтым светом, а шерсть была короткой и равномерно серой.

Ящерка застыла, смутно надеясь, что зверь примет ее за неодушевленный предмет, что сделал Колька, она не видела, зато Рюшка наоборот,

взвизгнул и присел на корточки. Зверь неожиданно быстро повернул голову в его сторону, подслеповато щурясь, всмотрелся, и вдруг его шея резко качнулась назад, а потом полезла вверх, будто была складной, как подзорная труба. Оказывается, животное встало на задние лапы и оперлось на стену передними — на них, в отличие от жирафа, у него оказались не копыта, а мозолистые, но длинные и гибкие пальцы. Устроившись таким образом поудобнее, животное снова сощурилось и принялось гнуть шею к Рюшке.

— Слезай со стены! — крикнул ему Колька. — Он не достанет!

Обалдевший Рюшка в ответ на этот крик неизвестно из каких соображений, а может, и вовсе без оных, сложил руки, как перед нырком, оттолкнулся ногами и прыгнул вниз, на территорию Заповедника!

Зверь снял лапы со стены и с тяжелым фырканьем отпрянул назад. Колька сказал «тьфу ты, черт», отпустил подол футболки, рассыпав

собранные ягоды, и прыгнул следом за Рюшкой. Ящерка, поставив медузу на стену, чуть не кубарем скатилась за ним.

От падения со стены, хоть и на мягкую землю, у нее перехватило дыхание, но она почти сразу же вскочила на ноги и увидела стоящего на коленях Рюшку, Кольку, поднимающего его, и возвышающееся над ними обоими животное, которое вцепилось пальцами передних лап в землю...

И тут снова затрещали кусты, в них показался желтый луч, и, освещенный фонарем, к ним выбрался сам дед Миша! Правда, смотрел он почему-то не в их сторону, а куда-то назад и что-то испуганно бормотал себе под нос. При виде деда Миши зверь пришел в волнение, заскреб передними лапами и утробным голосом возопил:

— О-о-ого-о-о!!!

Дед Миша крупно вздрогнул, наконец поглядел вперед и увидел всю компанию. В соответствии со своими же рассказами, он скинул с плеча дымовое ружье, звонко выстрелил в воздух, выпустив серый дымный гриб и, не интересуясь больше ни зверем, ни детьми, бросился бежать и исчез в тех же кустах, из которых вылез. Дым же, ввиду безветренной погоды, не рассеиваясь, в виде того же гриба поднялся вверх и исчез в темном небе.

Тут Ящерка так разозлилась, что даже забыла про страх, а Колька, кажется, сразу не особенно боялся. Вместе они подступили к животному, замахали на него руками и вразнобой закричали:

— А ну иди отсюда! Чего тебе надо?!

Зверь сощурился на них, замотал головой, но вдруг глаза его резко расширились и заморгали. Молча и быстро громадный жирафообразный попятился под ближайшее дерево. Там он мгновенно развернулся, пригнул шею и ускакал, взбрыкивая задом — Ящерка успела заметить, что и на задних ногах у него не копыта, а длинные ступни, и хвост в виде шерстяного веера.

— Напугали, что ли, — выдохнула она, когда затих треск веток.

— Надеюсь, — сердито сказал Колька. — Или разозлили, и он за подмогой пошел.

— Да нет, — вдруг раздалось из кустов. — Он теперь уж, ребятки, не вернется...

— Это вы, дядя Миша? — догадалась Ящерка. Из куста показался обсыпанный синими листьями кивающий смотритель.

— Да, это я, кому тут еще быть... Нуробы, они не возвращаются... Они вообще в темноте плохо видят.

Колька, лишь презрительно покосившись в его сторону, сосредоточил все внимание на Рюшке:

— Чего тебя дернуло прыгать? Сильно

треснулся?

— Коленки разбил, — ответил Рюшка похоронно.

— Покажи, — подошла поближе Ящерка. — Ух ты... Как обратно-то полезешь?..

— Эй, что там у вас? — раздались сверху встревоженные голоса, и над стеной в свете медузы показались головы Танечки и Глеба.

— Нуроба встретили, а Рюшка расшмякал коленки, — кратко сообщил Колька.

— А нуроб где? — пискнула Танечка.

— Убежал.

— Нуроб-то убежал, а вы-то, позвольте спросить, что здесь делаете? — окрепшим голосом осведомился дед Миша. — Я вам говорил не появляться на территории Заповедника?!

— Да вы бы вообще помолчали! — возмутилась Ящерка. — В кустах сидели!

— Где я сидел — это неважно, главное, перед этим я выполнил все по инструкции. И я нахожусь на вверенной мне территории, а вот вы...

Колька резко повернулся к зрителю и, уперев руки в бока, сказал неожиданно вкрадчиво:

— Дед Миша, давайте не будем ссориться. Мы здесь потому, что потерпели что-то вроде кораблекрушения — прилив начался рано. Хотели переждать до отлива, а поскольку еды не было, решили нарвать плодов. Раз уж мы с вами так

удачно... встретились, может быть, вы отвезете нас домой на своем катере? А то наши родители, наверное, уже беспокоятся.

— Конечно, отвезу! И все им расскажу, чтобы они с вас глаз не спускали!

— Ага. И мы тогда тоже расскажем, как вы Рюшку от нуроба героически в кустах спасали, — невинно согласился Колька.

Смотритель хотел что-то сказать, но с явным усилием промолчал. Танечка несмело хихикнула, а Глеб невозмутимо поддержал Кольку:

— Ну правда, дед Миша, у нас же родители беспокоятся. Если вы нас не отвезете, мы тут у вас еще долго будем под стеной жить.

— Значит так, — не глядя на них, хмуро сказал дед Миша, — идите за мной, я выгоню катер. Так и быть, ничего никому не скажу, но только чтобы вы тут в последний раз появились!

— Обещаем! — очень охотно воскликнул Колька. Ящерка удивленно посмотрела на него. Дед Миша тем временем уже пошел вперед, за ним направился, поддерживая Рюшку, Глеб; Танечка еще осторожно слезала со стены.

— Слушай, Коль, — прошептала Ящерка. — А ты уверен, что мы тут больше никогда не окажемся?

— Конечно, нет, — пожал плечами Колька. — Но уж если ему можно врать, то нам нельзя, что

ли?..

Глава 12

Все-таки в результате задержались они допоздна. Вначале пришлось довольно долго идти вместе с дедом Мишей вдоль стены в его сторожку. По дороге смотритель усиленно доказывал им, что он поступил по инструкции, так как после выстрела из дымового ружья нужно отойти в укрытие, а кусты — укрытие как раз самое подходящее...

Сторожка оказалась маленьким и круглым бронированным домиком, огороженным забором из колючей проволоки под током. В домике была низкая дверь-шлюз, как в космическом корабле, и два малюсеньких окошка, горящих противным красным светом.

— Ух, ну и морда, — вздрогнув, сказал Рюшка, хромавший рядом с Глебом. Ящерке сторожка тоже показалась похожей на злобную круглую физиономию. Дед Миша выключил ток, отворил калитку и провел детей сквозь маленький огородик — в нем сидело несколько дынных кустов, клубничное дерево, и торчали из земли три гигантские картофелины.

— Ой, как-то тут страшненько, — тихо шепнула Танечка и поежилась. Колька, в отличие от нее, спросил в полный голос:

— А дверь кодом отпирается?

— Конечно, — пальцы деда Миши пробежали по кнопкам. Дверь зашипела, открываясь. — Сейчас ключи от катера возьму, и мальчику вашему надо коленки антисептиком намазать...

Рюшка взвыл, Колька на него цыкнул, и все вошли в сторожку следом за зрителем. Оказалось, что на космический корабль она похожа и снаружи, и изнутри — вся мебель была встроена в стены или откидывалась от них, кругом висели устрашающие ружья, пистолеты, тесаки, топоры и кинжалы, а также композиции из засушенных синих листьев и цветочков в аккуратных рамочках — видимо, зритель творил на досуге. На окнах-иллюминаторах висели красные занавесочки в белый горошек.

Дед Миша, кряхтя, открыл ящик с надписью «Аптечка», обнаружил там высокие черные сапоги, поспешно закрыл ящик обратно и после нескольких минут раздумий извлек запыленную коробочку с красным крестом из-под стола. После этого не меньше часа ловили, уговаривали и успокаивали Рюшку, который, несмотря на больные коленки, бегал очень резво. Наконец запыхавшийся дед Миша вывел всех из дома, запер дверь и приставил к стене стремянку, чтобы удобнее было перелезть.

За стеной их снова встретила крошечная темнота, так что вниз пришлось слезать ощупью.

Катер лежал на траве неподалеку от стены, что выяснилось, когда Рюшка с разбега треснулся об него лбом. Когда все уже залезли на сиденья, Колька неожиданно вспомнил, что нужно забрать обеих медуз, забытых в сторожке. Когда медузы были доставлены на борт, катер вначале долго не желал заводиться, а потом — как следует подниматься.

Наконец его удалось с трудом выровнять, и он, скользнув над травой, въехал в блестящую беспокойно болтающуюся воду. Все утомленно молчали. Ящерка сидела, поджав под себя замерзшие ноги, и устало обнимала аквариум с радужной медузой. Вторая медуза была у Глеба. Однако и без их света уже стало не так уж и темно: на небе проявились мохнатая туманность и огромное количество звезд, а потом из-за Океанища показался светящийся край Луницы, то есть Селены...

— Красота, — полушепотом восхитилась Ящерка.

— Да, интересно, сколько же сейчас времени? — добавила Танечка. Дед Миша взглянул на приборную доску.

— По тутошним часам уже почти десять...

— Ой, вот кошмар! Я домой самое позднее к семи прийти обещала, ведь вечерний день!

— Все обещали, — уныло сказал Глеб. —

Похоже, влетит.

Рюшка только молча вздохнул.

...У Особняка они оказались уже почти в одиннадцать, из-за того, что пришлось карабкаться вверх по уступам, спотыкаясь о неровности и накалываясь на ветки кустов, да еще медуз надо было, хочешь-не хочешь, занести в штаб. Все было по-прежнему ярко освещено, но людей по сравнению с утром ощутимо убавилось — только среди кустов бродили немногочисленные парочки. А у дверей Особняка всю компанию мрачно поджидали родные. Конечно же, кратковременная радость при виде живых и здоровых детей на их лицах тут же сменилась нахмуренностью и началась воспитательная ругань.

— Коленька, ты, конечно, у меня самостоятельный, но нельзя же так, — укоряла бабушка Вера внука. Колькин брат Женя стоял рядом, но смотрел в сторону и зевал, в процессе воспитания брата участия не принимая.

— Все бездельничают! Вот и распускаются! — восклицала мама Танечки. — Черничинку сорвать не заставишь, никакой помощи от вас, одни нервы!

— Д-да! — заикалась мать Рюшки, — Что же вы, детки? А если бы вы со скалы в темноте упали и что-нибудь сломали!? А если бы в воду свалились и простудились? Ох, Андрюша, что у тебя с

коленкой? Господи, да ты же весь мокрый!!

— Глеб, ты же давал нам твердое обещание являться в вечерние дни ровно в семь, — назидательно изрекал дедушка Глеба. — Неужели тебе нельзя доверять? К тому же ты не досмотрел за Андрюшей. Я думал, что ты гораздо ответственнее! И ты тоже весь мокрый? Где вы, собственно, были?!

Колька, стоящий рядом, подтолкнул Ящерку локтем в бок и сказал:

— А мы в прятки играли рядом с оградой.

— Вы что, спускались к воде?! В темноте?

— Не, мы спускались, но до темноты, просто не высохли, — не смущаясь, выкрутился Колька.

— Знаешь что, Николай, я не у тебя спрашиваю, — заметил дед Глеба. — А у собственного внука.

— Ну так мы в прятки играли, — буркнул Глеб, пожав плечами. — И купались, но до темноты, просто не высохли...

Тут Ящерка чуть не оглохла на одно ухо, потому что в него заорала неожиданно подскочившая сбоку Эльза:

— Лацерта, как тебе не стыдно так волновать меня и бабушку! Мы так беспокоились! Чуть с ума не сошли! — она прижала руки к груди и покосилась в сторону зевающего Колькиного брата Жени. — Баба Света, та вообще, так

переволновалась... Баба Света!! Баба Света!!!
Просыпайтесь, Лацерта вернулась!

Баба Света обнаружилась на ближайшей скамейке. Зевая и поддергивая широкие, как трубы, брюки, она подошла поближе и брякнула хриплым со сна голосом:

— Ну че, тебя уже обругали? Можно домой топать? Только еды, учти, нету — не готовила на нервной почве...

Компания посмотрела на Ящерку с разной степенью зависти на лицах, только Колька весело хмыкнул.

— Ма-а-ам, — канючила Танечка. — Ну мы больше не бу-удем. Ну завтра я честно-пречестно пораньше приду...

— Нет уж, завтра ты у нас весь день дома сидеть будешь! И послезавтра тоже! Сил моих уже с тобой нет! — отрезала мама.

— И Глебу тоже нужно будет подумать над своим поведением, — мрачно добавила Глебкина мать. Вместе с дедом она взяла сына под руку и повлекла его внутрь особняка. Следом бабушка и мама утащили Танечку, вдали затихли обрывки их слов «...И вообще, можно ли тебе гулять в такой компании...», причитающая мама увела ревущего и канючащего Рюшку.

— Ну и мы, что ли, пошли, — решила баба Света и враскачку направилась ко входу в Особняк.